

АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ

СИБИРСКАЯ ВЕНДЕТТА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Александр Лаптев

Сибирская вендетта

«ВЕЧЕ»

2021

Лаптев А. К.

Сибирская вендетта / А. К. Лаптев — «ВЕЧЕ»,
2021 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-8625-8

Главный герой – человек бесстрашный и решительный, мастер боевых искусств – сталкивается с несправедливостью и грубым произволом. Не получив поддержки со стороны органов правопорядка, он вступает в неравную схватку не только с местными бандитами, но и с «оборотнями в погонах». На карту поставлено всё. Победить в такой борьбе кажется невозможным. Но для человека, исполненного решимости и подлинного благородства, нет ничего невозможного. В трудную минуту к нему на помощь приходит то, что неизмеримо выше нас. Роман основан на реальных событиях.

ISBN 978-5-4484-8625-8

© Лаптев А. К., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Часть I. Первое столкновение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Лаптев

Сибирская вендетта

© Лаптев А.К., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Часть I. Первое столкновение

Морозным декабрьским вечером в продуктовом павильоне на одной из центральных улиц Иркутска скопилось очередное из двух человек. Высокая стройная женщина лет сорока пяти, в норковой шубе темного блестящего ворса, в чёрных сапогах на высоких гнутых каблуках и с эффектной шевелюрой, раскачивавшейся над головой подобно султану из чёрного дыма, допрашивала с пристрастием белобрысую продавщицу с бледным анемичным лицом и мутными глазами. Рядом, у залитой безжизненным светом витрины, стоял мужчина лет сорока – черноволосый, коротко стриженный, среднего роста, в легкой осенней куртке, светлых парусиновых брюках свободного покроя и в кроссовках «Reebok» – одежда не зимняя, совсем не для Сибири. Но собственный наряд мало его волновал: склонив голову, он смотрел на разноцветные упаковки под стеклом – с видом полного равнодушия, граничащего с оцепенением. Женщина в шубе донимала бедную продавщицу: дайте мне это, покажите то, а крабы у вас почему, а кто производитель, как-как вы сказали? – о-ля-ля, не может быть, чтобы их к нам отсюда возили!.. Продавщица – маленькая, толстая и немолодая, с усталыми собачьими глазами – терпеливо объясняла. Видно было, что работа эта ей не по душе, но жизнь научила её терпению, она говорила ровным голосом, доставала целлулоидные упаковки из витрины, читала мелкие надписи и втолковывала бестолковой покупательнице прописные истины. «Ей бы в справочном бюро работать», – усмехнулся про себя черноволосый мужчина. Обе дамы вызывали у него неприязнь, одна своей наглостью, а другая – какой-то пришибленностью. Но и его жизнь научила терпению. Глядя на его словно бы высеченный из камня тёмный лик, можно было подумать, что у него совсем нет нервов – до того он был суров и неприступен.

Всё было тихо и пристойно в павильоне, почти по-домашнему, как вдруг снаружи донёсся нарастающий рокот двигателя. Одновременно оглянувшись, три человека увидели, как прямо на тротуар въехал двумя колёсами джип – дорогой, тяжёлый, фиолетовый и наглый. Осклизшийся радиатор едва не проломил зеркальную дверь. Кто находился в салоне машины и сколько их там было – за тонированными стеклами не разглядеть, но вышел один – крепкий, приземистый, с круглой бритой головой – один из новоявленных хозяев нашей разудалой жизни, внезапно разбогатевших и вполне закономерно обнаглевших, считающих себя чем-то вроде некоронованных королей, а всех остальных – тварями, неизвестно зачем снующими у них под ногами. Бритый тип по-хозяйски распахнул зеркальную дверь и двинулся напрямик к прилавку. Отодвинул кожаным плечом женщину в шубе и молвил, едва шевеля губами:

– Джин и тоник!

Продавщица (видавшая таких по десять раз на дню) равнодушно подала две бутылки, отсчитала сдачу. Парень взял бутылки за горлышки и уже повернулся уходить, но заметил краем глаза, что женщина в шубе достала двумя пальцами из кармана белоснежный платочек и трёт им левый рукав – то место, которое он осквернил своим прикосновением. Поняв, что действия её замечены, женщина развернулась и пошла, раскачивая бёдрами, в угол, брезгливо держа платок перед собой на вытянутой руке. В углу стояла мусорная корзина – пластмассовая, зелёная и конусообразная, широким горлом кверху. В эту корзину и был брошен осквернённый платок.

Неизвестно, что подумал бритоголовый, и думал ли он вообще, но реакция его была неожиданной, во всяком случае, женщина в шубе ничего подобного не ожидала. Парень шагнул к ней и вдруг, с разворота, левой ногой дал ей хорошего пинка – по тому месту, на котором обычно сидят. Пинок был совсем не символический, а настоящий, от души – хороший такой чисто русский пендель. Норковая шуба, конечно же, смягчила удар, но всё равно, приятного было мало. Женщина вскрикнула от неожиданности и даже слегка подпрыгнула. Послышался при этом не совсем приличный звук, впрочем, это могло быть галлюцинацией. Бритоголовый

ухмыльнулся, затем стянул с левой ноги ботинок и швырнул его в ту же зеленую корзину, а сам направился к выходу. Ботинок с грохотом ударился о пластмассовый край, корзина опрокинулась и покатила по полу, оставляя на грязном линолеуме свои богатства – окурки, бумажные фантики, целлофановые обёртки...

Дама в шубе, казалось, потеряла дар речи. Продавщица выронила мелочь на прилавок.

Парень был уже у двери, когда услышал:

– Молодой человек, а вы не хотите извиниться?

Опять-таки, неясно, какие эмоции вызвали у бритоголового столь необычные слова. Но он остановился. Обернувшись, нашел глазами говорившего – черноволосый мужчина стоял посреди зала; ничего угрожающего не было в его позе. Средний рост, средняя комплекция, обычное лицо – типичный «Иван Иванович».

– Баклан, ты че, в натуре, беды хочешь? – хрипло проговорил парень. Глаза его остекленели и как бы выдавились из орбит, брови выгнулись дугой. На левой ноге по-прежнему не доставало ботинка.

– Извинись, говорю, – продолжил мужчина и, подняв руку, показал пальцем на женщину. – И моли бога, чтобы она тебя простила!

Женщине, видно, не хотелось, чтобы перед ней извинялись, она часто моргала и комкала дрожащими пальцами очередной носовой платок. Мир в одну секунду рухнул в её глазах. Оказывается, ни дорогая шуба, ни модные сапоги, ни даже надменный взгляд не спасают в этой жизни ни от чего.

Парень аккуратно поставил бутылки на пол и сунул руку за пазуху. Через секунду в руке его оказалось оружие – что-то вроде револьвера – воронёный ствол, круглый барабан, в пазах медные патроны – всё как положено. Он навел ствол на противника и осклабился. В намерениях его сомневаться не приходилось.

Между ними было метра три – расстояние вполне достаточное, чтобы чувствовать себя спокойно. Да и чего бритоголовому волноваться? Позади его маячил джип с группой поддержки, а перед ним стоял какой-то лох, фуфлю, фраер, мразь. Сколько таких он видел? И где они теперь?

Но дальше случилось нечто из области кошмаров: ничем не примечательный мужчина в кроссовках и парусиновых брюках вдруг прыгнул вперёд, и даже не прыгнул, а сделал два шага, сначала левой ногой – короткий, и тут же правой – длинный, стелющийся и стремительный. Правая рука его вылетела словно копьё и ударила выпрямленными пальцами бритоголового в шею. Женщинам со спины вообще было не понять, что произошло, они только увидели, как бритоголовый выронил револьвер, схватился за горло, захрипев, и упал на пол, задергался в конвульсиях. Мужчина глянул на поверженного противника, о чем-то своём подумал, поднял с пола револьвер, сунул в карман куртки и, не изменившись в лице, перешагнул через тело. Вышел на крыльцо и – мимо хищной морды джипа, мимо тонированных стекол и фиолетовой полировки – шагнул в темноту.

Через несколько секунд от обочины метрах в двадцати отъехала машина – в темноте едва различимая – без габаритных огней и опознавательных знаков. Машина проехала под уклон до светофора и свернула направо в проулок. Лишь после этого пассажиры джипа, озадаченные долгим отсутствием компаньона, вылезли из теплого салона и вошли в залитый светом павильон.

* * *

Замурлыкал смартфон на столике возле кровати. Андрей мгновенно проснулся, протянул в темноте руку.

– Алё!

- Привет, Андрей. Я тебя не разбудил?
- А, Виктор Викторович... Сколько сейчас? – Андрей бросил взгляд на окно. Уличные фонари были погашены – ночь на дворе. На стекле изморозь, ломаные ледяные линии искрятся фиолетовым и жёлтым светом, словно заморская птица наследила трёхпалыми лапами с острыми когтями.
- Три часа, – сообщил собеседник на другом конце провода, и уточнил: – ночи.
- Вижу, что не дня, – усмехнулся Андрей и сел на кровати, включил настольную лампу. – Ты чего так рано? Случилось что-нибудь?
- Да так, случилось... кое-что...
- Ты не тяни. Мне к девяти на тренировку ехать.
- Из динамика послышался протяжный вздох.
- Зря я тебе позвонил. Не телефонный это разговор.
- Тогда до завтра.
- Андрей, погоди. Я у тебя спросить хотел.
- Ну?
- Ты вчера вечером никуда не ездил?
- Ездил, конечно. Я каждый день куда-нибудь езжу.
- Ты на Первой Советской вчера вечером был?
- Был.
- Ах ты, черт, как же тебя туда занесло?
- В Пивовариху ездил. Консультировал местных ребят. У них там секция намечается, я давно обещал к ним приехать, да всё никак.
- И надо было тебе ввязываться!
- Куда ввязываться? Слушай, Виктор, говори толком, у меня голова плохо соображает, я спать хочу.
- Ты зачем парня изуродовал?
- А-а, вот ты о чём. Из-за этого придурка ты меня будишь среди ночи?
- Зачем ты его ударил, да еще так сильно? Он в больнице, в критическом состоянии. Ты ему трахею сломал.
- А что мне оставалось делать? – воскликнул Андрей. – Он на меня ствол навёл!
- Ну и что?
- Как это что? Мне что, нужно было подождать, когда он выстрелит?
- Почему ты знаешь, что он выстрелил бы?
- По глазам увидел.
- По глазам он увидел... Тоже мне психолог. А чего ты к нему прицепился?
- Он женщину оскорбил. Вёл себя по-хамски.
- И ты не утерпел...
- А почему я должен терпеть? Если тебе нравится, терпи. А я не буду.
- Эх, Андрюша, зря ты встрял. Теперь заварится каша.
- Пусть заваривается, мне всё равно. – Андрей перехватил смартфон другой рукой, сел на кровати. – Погоди, а ты откуда узнал?
- Узнаешь тут. Братва полгорода на уши поставила. Ищут человека, по приметам, похожего на тебя. Мне как сказали про это дело, я сразу догадался, что это ты. Потому как больше никому.
- Братва, говоришь, зашевелилась. Это хорошо.
- Андрей, ты что, не понимаешь? Они убьют тебя!
- Кишка тонка! Да и пусть сперва разыщут.
- Андрей, Иркутск город маленький, это тебе не Москва. Здесь негде прятаться.
- А я и не собираюсь.

– А что ты собираешься делать?

– Утром поеду на тренировку. Вечером – тоже тренировки. У меня весь день расписан. В театр сходить некогда.

Собеседник снова протяжно вздохнул.

– Будет тебе театр. Прямо на дому. – Последовала пауза. – Так ты его рукой ударил? У тебя ничего не было?

– Нет, конечно. Обычное *нуките*. Ты должен знать, сам недавно экзамен сдавал.

Снова слышались вздохи...

– Через неделю они тебя вычислят. Думаешь, не догадаются, что ты – каратист? У нас не так уж много спортивных школ. Они обойдут их за три дня.

– Это их проблема.

– Это теперь твоя проблема, Андрюша! Я тебе добра желаю. Они тебя застрелят, и никакое карате тебе не поможет.

– Это мы еще посмотрим.

– Уезжай из города. Прямо сейчас!

– А на кого я ребят оставлю?

– Поручи кому-нибудь. У тебя же есть в секции чёрные пояса.

– Да почему я должен уезжать из своего города? Я в нем сорок лет прожил. Пусть они уезжают. А я – останусь. Всё, до свидания.

– погоди, не отключайся. У тебя хоть есть оружие?

– Теперь есть.

– Какое?

– «Айсберг», кажись.

– Это который ты у парня отобрал? Выброси его, слышишь! Ствол наверняка паленый.

И приезжай утром ко мне.

– Хорошо, я приеду. Но утром не получится. После обеда смогу.

– Во сколько?

– В два.

– Хорошо, я буду ждать.

Андрей отключил связь и несколько секунд сидел, крепко задумавшись, потом выключил лампу и лег на спину, подложив руки под голову и устремив неподвижный взгляд в потолок.

Не сказать, чтобы новость сильно его встревожила, но и нельзя было её вовсе проигнорировать. Страх не было – он давно уже ничего не боялся, однако появилось чувство некоего неудобства, словно натянул на себя тесную одежду – хорошо бы снять, да лень шевелиться. Он повернул голову к окну – за окном тишина, неподвижность зимней ночи. Не верилось, что кто-то в это время «стоит на ушах». А хоть бы и так. Пускай! Здесь, за толстыми стенами дома сталинской постройки, его не достанут. Или достанут? Всё равно. Пусть попробуют...

Глаза его закрылись, дыхание замедлилось и стало глубже; через минуту он спал. Руки так и остались сцепленными за головой. Левая нога – поверх одеяла, правая свесилась на пол. Не каждый способен заснуть в такой позе. Не каждый спокойно уснет после подобного сообщения. Но и не каждый способен коротким ударом вытянутых пальцев сломать человеку шею. Это даётся жесточайшими тренировками, которые выдерживает один человек из миллиона.

* * *

Без пяти девять Андрей припарковал машину возле двухэтажного каменного здания на улице Дзержинского. Открыл высокую деревянную дверь и вошёл внутрь. Получил у дежурного полицейского ключи от спортзала и быстро поднялся на второй этаж, где в холле уже пере-

минались с ноги на ногу молодые крепкие ребята – охранники частной фирмы. Всего десять человек, все рослые, крепкие, с короткими стрижками.

– Здравствуйте, Андрей Викторович, здравствуйте, здрассьте! – слышалось со всех сторон.

– Здравствуйте, – с невозмутимым видом отвечал Андрей, проворачивая ключ в замке, – заходите! – и первый шагнул в спортивный зал. Остановился на секунду, последовал ритуальный поклон: – Осс...

И все входившие следом также останавливались на секунду и кланялись неизвестному божеству:

– Осс! Осс! Осс!..

Торопливо переоделись на скамейке у крашеной стены – кто-то кимоно надел, кто-то трико с футболкой натянул, а кто-то в любимый камуфляж нарядился. Что особенно приятно – все были босиком.

Десять человек построились вдоль стены. Тренер встал перед ними – белоснежное кимоно, черный пояс. Обвел взглядом шеренгу. Взгляд был пронзительный, твердый. Не каждый этот взгляд способен был выдержать.

– Сейдза. Рэй! Осс! – произнёс отрывисто.

Все десять человек опустилась на колени, сделали поклон до самого пола, выдохнули:

– Осс!

Тренер уже стоял на ногах.

– Быстро поднялись, побежали по кругу.

Все бодро вскочили и, в затылок друг другу, побежали по периметру небольшого уютного зала, опоясанного зеркалами.

Тренировка, как всегда, начиналась с разминки: лёгкий бег, махи руками и ногами, вращения головой, прыжки, наклоны, отжимания на кулаках, кувырки прямо на бегу и всё в таком духе. Ребята еще толком не проснулись. Кто-то ночью вовсе не спал – приехал прямо с дежурства. Бежали тяжело, на негнущихся ногах, бухая пятками в пол. Но – круг за кругом, минута за минутой – в движениях появилась плавность, все задышали ровнее, глубже – и через пятнадцать минут проснулись окончательно. Майки уже были мокры, лица блестели от пота, глаза прояснились.

После разминки отработывали *дзюйцу иппон кумите*, затем была работа по снарядам, потом повторили базовые ката, последовали: легкий спарринг с тяжелыми ударами, защита от нападения вооружённого противника – *ката-гаеши*, *шихо-наге*, *хиджи* и проч., затем дыхательная гимнастика, отжимания на кулаках и на пальцах, и долгожданное:

– Осс... Тренировка закончена!

Андрей отошел в угол и сел на стул – единственный в этом зале. Посмотрел в окно на заснеженные крыши, на голые ветки деревьев. Внезапно до слуха долетело слово: пожар.

Поднялся и подошел к ребятам. Те сразу стихли.

– Что за пожар?

Ответил Дима Королёв – рослый, плечистый, обладатель коричневого пояса.

– Русиновский рынок горел ночью. Весь центр города оцепили, машин пожарных штук двадцать понаехало.

– Много сгорело?

– Да почти всё – склады, павильоны. Мороз ведь – под сорок, вода на лету застывает.

Да и приехали не сразу.

– А что так?

– Да проспали, как всегда. Подожгли под утро, часа в четыре, сразу со всех сторон.

– Откуда известно, что подожгли?

– Канистру с бензином нашли и тряпки.

– А ещё охранника застрелили в кафе возле шанхайки, – добавил Серега Куницын – крепыш с синим припухшим лицом, словно бы разъярённые женщины надавали ему пощёчин с обеих рук.

– Да не застрелили, чё ты гонишь, – поправил Дима, – в него из газовика резиновой пулей стрельнули. У него ребро сломано.

– А ты пробовал резиновую пулю? – сразу загорячился Серега.

– И пробовать не хочу. Но резинкой – не убьешь.

– Убьешь, если в голову попасть.

– В голову тоже – не всегда. Одному мужику выстрелили из «айсберга» прямо в затылок, в упор, он на полу вниз лицом лежал – а тот ничего, даже сознание не потерял.

– Да чё ты мне рассказываешь, я из «айсберга» Достоевского насквозь прошибал!

– Какого Достоевского, он же умер в прошлом веке!

– Книгу его. Семьсот страниц. Понял? Макс держал, а я стрелял. Насквозь прошло!

Но тут вмешался тренер.

– А как книга называлась?

– Да лажа какая-то. Преступление и наказание, кажись.

– Достоевского читать нужно, а не стрелять в него. – Тренер строго посмотрел на ученика. – Вот тебе задание на дом: прочитать «Преступление и наказание». На следующей тренировке обсудим.

– А зачем это, Андрей Викторович?

– Каратист должен не только кулаками махать. Мозги тоже надо развивать. Ты вот сутками сидишь на объекте. Чего тебе там делать?

– Я за покупателями слежу.

– А ночью?

– Ночью спать хочется.

Все заулыбались с довольным видом, словно услышали что-то донельзя приятное.

– В следующий четверг расскажешь нам про Раскольникова. Зачем он старуху убил и что потом с ним стало.

Ребята с ухмылками смотрели на Серегу, а тот молчал, насупившись. Спорить он не решался. Да и чего спорить? Прав был тренер. Достоевского он зря прострелил, точнее, зря сказал, что прострелил. В гробу он видал этого Достоевского. В школе учителя доставали, а теперь ещё и тут...

Однако всем остальным было весело. Разговоров теперь на весь день хватит.

«Чоповцы» быстро переоделись и покинули зал. Андрей замкнул дверь и встал перед зеркалом на стене, поправил кимоно, подтянул пояс. Настало его время. Максимальные растяжки, сложнейшие «ката», отжимания на пальцах, продвинутая техника *Кихон*, дыхательная гимнастика, медитация. Сорок пять минут – не так это и много, зато каждый день, включая праздники и воскресенья. Этого вполне достаточно, чтобы поддерживать форму. Когда-то он занимался по восемь-десять часов ежедневно, изнурял себя до полусмерти. Но теперь такой необходимости нет. Техника, приобретенная тяжким трудом, стала частью его природы. Он мог бы и вовсе не заниматься, но привычка брала свое. Это как допинг, без которого жизнь кажется пресной.

В одиннадцать тридцать он вышел из зала, сбежал по мраморным ступенькам вниз и сдал ключ на вахту. До пяти часов он был свободен. Вечером – ещё три тренировки: дети, охранники, «росгвардейцы». А пока – обед, к Виктору нужно было съездить и ещё поспать минут сорок. Дневной сон – такая же необходимость, как тренировки. Андрей сел в машину и поехал домой.

В подъезде его ждали четверо. Едва он распахнул железную дверь, как в него выстрелили в упор с расстояния в два метра. Андрей успел рассмотреть и стрелявшего, и пистолет – какой-то странный, вместо ствола – массивный цилиндр, и в нем четыре больших отверстия. Позже он узнал, что это была «Оса» – бесствольный револьвер, стреляющий тяжелыми свинцовыми шарами и обладающий сокрушительной мощью. Выстрел был направлен ему в грудь. Андрей успел чуть повернуться, и свинцовый шар скользнул по куртке и пролетел мимо, оглушительно бухнув в железный лист за спиной. В следующий миг Андрей подшагнул боком к стрелявшему и резко ударил его ребром стопы в подбородок. Раздался отвратительный хлюпающий звук, сдавленный вскрик, а затем – звук падающего тела. По бокам стояли еще двое, и ещё один чуть выше, на ступеньках. Того, что стоял выше, Андрей ударил кулаком в пах. А те, что сбоку, тоже получили свое – первый поймал на грудь «уширо-гери», другой налетел зубами на каменный кулак – тот самый кулак, который разбил не одну сотню кирпичей. Всё это совершилось в три секунды. Андрей совершал движения автоматически, не думая, тело работало как хорошо отлаженная боевая машина. И вот результат: четыре человека лежали на бетонных ступеньках – двое корчились, один хрипел, ещё один молча переживал случившееся. Все бритые, упитанные, в кожаных куртках и в чёрных шапочках. Недавно ещё – уверенные в себе до непоколебимости. Но как выяснилось, уверенность эта не имела под собой прочной основы. Наглостью не заменишь силу рук и координацию движений. Всё это даётся упорными тренировками, о которых бандиты не имели ни малейшего понятия.

Андрей не спеша обшарил карманы поверженных противников. У всех было огнестрельное оружие. Андрей приподнял за шиворот того, который способен был ворочать языком.

– Чего хотели?

Парень глухо стонал, челюсти его были крепко стиснуты.

– Я спрашиваю, чего вам нужно от меня?

Была еще надежда, что ребята ошиблись адресом. Но парень остановил на нем взгляд, стиснутые челюсти дрогнули:

– Тебе конец. Замочим, падла... – прохрипел он.

Андрей хотел его ударить, но не стал, разжал пальцы, и голова с глухим стуком упала на бетонный пол.

Сомнения исчезли – ждали именно его. Но как они узнали адрес? И так быстро. Суток не прошло.

Он поднялся на третий этаж, отомкнул бронированную дверь и зашел в квартиру. Первым делом позвонил в полицию и сообщил, что в подъезде его дома лежат четыре тела. То ли пьяные, то ли наркоманы – чёрт их разберет!

– Кто звонит? Это неважно. Примите меры, как положено. Здесь дети ходят, пенсионеры гуляют. А тут четыре тела валяются. Что это за дела?

Кое-как растолковав дежурному райотдела существо вопроса, Андрей присел на стул в прихожей. Пора было подумать над тем, как быть дальше. Оставаться в городе? Или уехать? А если ехать, то куда? Виктор оказался прав: его найдут везде, если только захотят. А они уже захотели. Четыре раскуроченных бандита, валявшихся в подъезде, подтверждали серьёзность намерений его врагов.

Андрей прошел в гостиную. Там, на стене, в золочёных рамочках висели портреты Масутацу Оямы и Морихея Уесибы, а рядом – грозно посвёркивал самый настоящий самурайский меч – подарок японского друга, обладателя пятого дана «Shotocan-karate». Андрей остановился перед этим иконостасом и замер. Прошла минута, другая. Он всё стоял, не шелохнувшись, невидящий взгляд был устремлён внутрь себя. Потом облегчённо вздохнул, наклонил голову и коротко поклонился.

– Осс!

Решение было принято.

* * *

Виктор Викторович – невысокий круглолицый мужчина лет пятидесяти, – увидев Андрея на пороге своего кабинета, потерял дар речи. Несколько секунд таращил глаза на гостя, пока, наконец, не поднялся из кресла.

– Это ты?

Андрей усмехнулся.

– Конечно. А ты что, не узнал? Мы же вчера о встрече договаривались, ночью, ты мне сам звонил...

– А, ну-да, я помню. Ну... давай проходи, рассказывай.

– О чем?

– Как живешь... и вообще? – Виктор Викторович что-то суетился, не знал, куда девать свои холёные руки с короткими пухлыми пальцами и ухоженными ногтями.

Андрей опустил в кресло возле стола. Не спеша налил в стакан минеральной воды и отхлебнул.

– Всё нормально, – ответил, ставя стакан на стол. – Два часа назад какие-то ублюдки напали на меня в подъезде моего дома.

Виктор Викторович вдруг напрягся, вскинул на Андрея испуганный взгляд.

– И что?

– Ничего, – Андрей сделал неопределённый жест, качнул головой. – Получили по заслугам. Один меня, правда, чуть не подстрелил.

– Это как?

– Да не попал. Они как заторможенные были. Дебилоиды, одним словом.

Виктор Викторович шумно выдохнул.

– Говорил я тебе: уезжай из города! Послушай, Андрей, сейчас самое время! Хочешь, я тебе денег дам? У меня знакомый есть во Владике, поживёшь у него, пока тут всё не рассосётся.

Андрей криво улыбнулся.

– Можешь не продолжать. Я уеду. Но не сейчас.

– А когда?

– Когда настанет край.

– По-твоему, он еще не настал?

– Нет.

– Ну, смотри. Дело, конечно, твоё. Но с этой минуты я ни за что не отвечаю!

Андрей пристально посмотрел на собеседника.

– И это говорит полковник полиции!

– Да, полковник! Полковник, который всё делает для того, чтобы ты остался жив!

– А как же все остальные?

– Какие ещё остальные?

– Ну все люди, которые ходят по улицам, заходят в магазины, ездят на работу.

– Андрей, ты о себе сперва подумай! Или ты народным мстителем решил заделаться?

– Я решил не поддаваться этой мрази. Это мой принцип.

– Ты со своими принципами в гроб ляжешь.

Андрей невесело усмехнулся.

– Я думал, ты мне поможешь.

– Чем я тебе помогу? Охрану к тебе приставить? Так это всё бесполезно, ты и сам знаешь.

– Не надо охрану. Лучше выясни, кто всё это делает, и посади его. А ещё лучше, всех посади.

– Кого это – всех?

– Бандитов.

Виктор Викторович вскинул брови.

– Ты издеваешься? Как я докажу их виновность?

– Что значит – как? Рэкет, вымогательства, убийства. Что у тебя, данных мало? Я тебе рассказывать должен, как с преступностью бороться?

– Это не преступность, Андрюша, – проговорил Виктор Викторович дрогнувшим голосом. – Это способ нашего существования.

– Тогда я не понимаю, зачем вы все тут сидите? – произнёс Андрей, пристально глядя полковнику в глаза.

– Кто это – вы? – вскинулся тот.

– Полиция, Росгвардия, ФСБ!

– Мы поддерживаем равновесие. Не было бы нас, не было бы ничего. По улицам вообще нельзя было бы пройти.

– А сейчас можно?

– Сейчас можно. Если, конечно, не нарываться.

– Всё ясно, – молвил Андрей и поднялся.

– Ты куда?

– Пообедаю, а потом в спортзал поеду. У меня три группы вечером.

– Ты бы отменил тренировки. Добром это не кончится.

– Ничего. Они меня так просто не возьмут. Я эту мразь давить буду, как клопов!

Виктор Викторович лишь шмыгнул носом.

Они дошли до порога и остановились. Виктор Викторович взялся за дверную ручку и покосился на Андрея.

– У меня плохое предчувствие. Может, и не увидимся больше.

– Увидимся, – бодро ответил Андрей. Крепко пожал мягкую расслабленную руку полковника и вышел.

Андрей неспешно пообедал в кафе, а затем отправился в охранную фирму, сотрудников которой учил отражать нападения озверевшего противника.

Директор фирмы, которого все звали Максом, – невысокий, пухлый и очень спокойный человек с внимательным взглядом синих глаз – принял его в своем кабинете. Мягкие кожаные кресла, большой полированный стол, кнопочный телефон, рация на столе, сейф с оружием, пепельница с окурками – всё как положено. Директор был покладистый малый, зато заместители у него подобрались железобетонные, так что требуемое равновесие поддерживалось. За тренировки фирма платила исправно, сотрудничали они давно. Андрей не хотел подводить своего партнера, потому и приехал.

Он сел в кресло, утонув в нём до самых глаз, и начал так:

– Может быть, я больше не смогу тренировать ваших ребят, Максим Станиславович.

– А что такое? – вскинулся тот. – Мы что, мало платим? Так давайте это обсудим. Я со своей стороны...

– Дело не в деньгах, – прервал Андрей. – Проблема в другом. Кажется, на меня открыли охоту.

Директор замер с вытянутой рукой, в пальцах была зажата сигарета, синий дымок красивой змейкой вился к потолку.

– Охота? На вас? С чего вы взяли?

Андрей положил руки на мягкие подлокотники, костяшки пальцев на обеих его руках были разбиты и выглядели безобразно. Смотреть на них было жутковато.

– Да я тут повоспитывал одного деятеля, – как бы с сомнением произнёс Андрей. – А сегодня на меня напали четверо, прямо в подъезде, все со стволами. Так что я ничего не могу гарантировать. Если так дальше пойдёт, то боюсь, что мне станет не до тренировок.

– Но погодите, давайте всё обсудим как следует, – Макс живо поднялся и заходил по кабинету, – мы дадим вам телохранителя, или даже двух, самых лучших. Всё это бесплатно, за наш счёт!

Андрей улыбнулся, покачал головой.

– Максим Станиславович, я прекрасно знаю, чего стоят ваши телохранители. Чего стоят любые, самые хорошие телохранители! Они еще никого ни от чего не уберегли. Это в кино они заслоняют хозяев своими телами. А в реальной жизни... вы лучше меня знаете, как оно бывает в действительности.

Директор отвернулся. Другому бы он, конечно, возразил. Но только не Андрею Глотову, знавшему наперечёт всех его бойцов.

– А кто на вас напал? – вдруг опомнился он. – Вы их знаете?

– Нет, не знаю. Да и какая разница? Обидно, что мои ребята могут из-за меня пострадать. Если со мной что-нибудь случится, кто их тренировать будет? Вот и перед вами у меня есть обязательства. Всем я чего-то должен.

– Может, всё не так уж плохо? – спросил директор, но по голосу было ясно, что он сам не верит себе.

– Может, и не плохо. Возможно, что у меня всё отлично! – сказал Андрей и решительно поднялся. – Но я вот что хочу сказать. Если со мной произойдёт что-нибудь непредвиденное, тренировать ваших охранников будет мой ученик – Коля Гинкулов. Вот его телефон. Я его предупрежу. На некоторое время он меня заменит. А потом что-нибудь придумаете. В Иркутске много хороших мастеров.

Макс взял бумажку и не глядя сунул в нагрудный карман.

– Таких, как вы, больше нет.

Андрей молча повернулся и пошел из кабинета.

– Погодите, ведь мы же ничего не решили! – услышал он вслед. – Мы выставим пост у вашего дома, ваш дом будут охранять круглосуточно!

– Не надо, всё это лишнее, – пробормотал Андрей на ходу. – Домой они больше не сунутся. Да и я там жить теперь не буду. – Последнее послышалось уже из коридора.

Охранник на выходе поспешно распахнул бронированную дверь, и все находившиеся в дежурной комнате, словно по команде, поднялись со своих мест. Кто такой Андрей Глов, они хорошо знали. Здесь привыкли уважать сильных людей, несмотря даже на то, что эти люди читают Достоевского и цитируют Шекспира в подлиннике.

* * *

Два дня прошло спокойно. Андрей проводил тренировки по расписанию, спокойно ездил на своей машине по городу и уже начинал думать, что всё обойдется, никто больше к нему не сунется, и ему больше не придётся калечить людей. Но внутренний голос подсказывал: ещё ничего не закончилось, будут и нападения из-за угла, будут и покалеченные недоумки. Он понимал, что нужно что-то делать, как-то готовиться к нападению. Но как? Противник выжидал, выслеживал добычу из засады, и нельзя было угадать, где и когда он нанесёт удар. Оставалось только ждать да надеяться на интуицию, которая до сих пор Андрея не подводила.

Смерти Андрей Глов не боялся. Боли – тоже. Терять в жизни ему было нечего, если, конечно, не считать те немногие материальные блага, что он успел приобрести в последние годы – трехкомнатную квартиру в центре города и довольно тряскую машину с двухсоттысячным пробегом, – за роскошью он не гнался, хотя и мог её себе позволить. Семьи у него не было.

Вернее, была когда-то, но это относилось к столь отдалённым временам, что казалось теперь чем-то нереальным, почти сказочным (а лучше сказать – кошмарным). Семейная жизнь не сложилась, как говорят в таких случаях. То есть поначалу всё складывалось удачно: жена – умница и красавица, дочурка – ей под стать. Спокойный налаженный быт, где всё заранее известно и разложено по полочкам. Всё было чудесно до поры, пока однажды вдруг не выяснилось, что жена ему изменяет, причём делает это с необыкновенной лёгкостью, особо даже и не скрываясь и чуть ли не гордясь такой раскрепощённостью и продвинутостью во взглядах на общественные институты и семейные ценности. Андрей, как водится, узнал об измене последним. Уже соседи опускали взгляд и торопились незаметно прошмыгнуть вдоль стенки (очевидно, стыдясь за него), подружки жены стали неожиданно замолкать на полуслове и как-то странно на него поглядывать, словно желая что-то сказать. И даже дочка как будто о чём-то догадывалась. Но дочь была еще слишком мала и не могла ни на что повлиять. Зато принял меры Андрей, и довольно крутые. Нет, он не стал наматывать каштановые волосы жены на кулак, не таскал её по полу и не охаживал по бокам, приговаривая: вот тебе, вот тебе! – подобная дикость была ему чужда. Разве можно вернуть любовь силой, заставить жену быть верной при помощи кулаков? Вместо этого Андрей предложил супруге выметаться из квартиры на все четыре стороны, но в конце концов ушёл сам – в лучших традициях интеллигенции, хотя интеллигентом он не был и даже не мечтал быть.

Теперь, десять лет спустя, у его дочери был очередной – шестой или седьмой по счёту папа. Сама дочь стала ему чужой. Она стала похожа на пигалицу и требовала время от времени от отца деньги – то на сапоги, то на модную куртку, то на учёбу... Андрей после этого так и не женился. Наверное, он был из разряда однолюбов – полюбил единственный раз в жизни, и вот такая незадача! Жена, конечно же, не знала о том, что он однолюб. Да и вряд ли она способна была понять – что это такое, ведь она не была однолюбкой. Да и странно это (в самом деле!) – всю жизнь любить одного человека, пускай достойного, пускай даже исключительного. Ведь есть множество других мужчин, и каждый из них по своему исключителен, интересен и загадочен! Имея огромный выбор, посвятить всю свою жизнь одному-единственному, принадлежать ему, исполнять его пошлые прихоти? Молодость так быстротечна, а соблазнов так много! Пройдёт жизнь – и нечего будет вспомнить под старость лет! И почему бы, в самом деле, однажды не сойти с ума и не броситься в омут запредельного счастья? Кому от этого плохо? Главное, чтобы муж не узнал...

Но мужья почему-то всегда узнают. Впрочем, как и жёны.

Зато теперь Андрей благословлял судьбу. Если бы жена ему не изменила десять лет назад, он не стал бы каратистом, то есть не стал бы настоящим каратистом – подлинным мастером этого древнего искусства. Фальшивую любовь он променял на подлинное мастерство, хотя это и стоило ему десяти лет изматывающих тренировок, ушибов и переломов, ежедневного самоограничения и жесточайшей дисциплины. Он вполне сознавал свою силу, ибо она была оплачена дорогой ценой – переломами ребер, выбитыми зубами, деформированными суставами, искривленными пальцами рук и ног. Он едва не ослеп, когда принялся с азартом набивать пальцы рук о мелкие камни, насыпанные в деревянный ящик. Пальцы экзекуцию выдержали, но окулист прямо ему заявил, что он потеряет зрение, если не умерит свой пыл. А пыл был очень силен! Да и куда было девать нерастраченную энергию любви и на какой предмет направить огонь обиды, способный испепелить человека изнутри? Одно время он хотел убить любовника жены. Потом хотел убить жену. А уж после – самого себя. Последнее желание было особенно сильным, и нельзя сказать, чтобы оно вовсе исчезло за десять лет. Рассуждая здраво, Андрей решил, что жизнью дорожить не стоит. Жизнь следует принимать как неизбежность, как работу, которую необходимо выполнять. Долг! Долг – прежде всего. Ничего, кроме долга. Хотя существует ещё карате. Великое боевое искусство, которому он посвятил всего себя, на которое ушли все душевные силы, вся нерастраченная энергия, вся любовь, вся ненависть, вся

страсть души. Сначала это было простое увлечение, но вскоре это стало образом жизни. А теперь карате обратилось в его натуру. И это единственное, ради чего стоило жить.

А жену он давно простил. И даже не простил – слово это здесь не очень уместно. Она стала для него чужим человеком, в отношении которого подходят обычные слова вроде – простил, забыл, разлюбил. Полнейшее равнодушие, примерно такое, какое испытывает человек, глядя на статую в парке. Стоит – ну и чёрт с ней. Если завтра её унесут, никто и не заметит. Несколько раз он встречал жену на улице – и даже здоровался при этом. Но ничего не пошевелилось в душе. Хотя и ловил заискивающие взгляды, наблюдал уловки стареющей кокетки. Но взгляды проходили сквозь него, ничего не трогая и не возмущая, подобно невесомому нейтрину, которое пронизывает толщу Земли и уносится прочь в межзвёздные пучины. Одно лишь удивляло и ставило Андрея в тупик: как он мог связать судьбу с такой особой? Ведь получалось, что он был ей под стать – в той, прошлой жизни? Неужели он был таким кретином?

После этого у Андрея были подруги – всё же он был молодой и сильный мужчина. Природа брала своё. Чем выше поднимался он по лестнице спортивных успехов, тем настойчивее и откровеннее его добивался так называемый слабый пол. Время от времени он позволял той или иной особе приблизиться к себе. Но сам никогда не проявлял инициативы. Ни одной он не сказал: «люблю». Ни одной не дал надежды на продолжение отношений. И не потому, что не хотел любви и не верил в семейное счастье. Просто он уже не способен был полюбить, всё в нём выгорело дотла в те дни и недели, когда он переживал крушение своего первого и единственного подлинного чувства. Обманывать Андрей не умел, да и не хотел этому учиться. Вот и получилось, что дорожить в этой жизни ему было нечем. Портреты на стене да самурайский меч – вот самые дорогие вещи в его квартире. Всё остальное – мелочь и тщета. Оставалась, правда, еще дочь. Но ее он тоже потерял. У той хватило ума отказаться от отца, и произошло это в возрасте, в котором человек уже осознаёт свои поступки.

События эти разделили его жизнь надвое. Всё, что было до, словно бы отодвинулось в тень, подернулось дымкой призрачного сновидения. В это сновидение угодили все его одноклассники и товарищи по университету, коллеги по первой работе, соседи и просто знакомые. Сам он настолько изменился, что даже бывшие друзья перестали его узнавать и уже не приглашали на редкие встречи. Он и сам перестал откликаться на различные приглашения – будь то юбилей школы или какая-нибудь знаменательная дата. Прошлое умерло в его душе.

Поэтому, когда вечером пятого дня (после стычки в павильоне) Андрея остановил на улице рослый мужчина, в котором он не сразу узнал друга детства, Юрку Змановского, с которым они не виделись лет тридцать, то он растерялся. Юрка несколько лет был его лучшим другом в школе, пока его родители не переехали в другой район. Долго Андрей после жалел о потере такого товарища! Это был бесстрашный мальчик, рослый не по годам, и физически очень сильный. Андрей хорошо помнил, как Юра, учившийся тогда в первом классе, бросился с кулаками на третьеклассника, который был выше его на голову, и, что удивительно, поборол его, завалил на пол и едва не задавил противника, так что пришлось его стаскивать с поверженного врага. Андрей ожидал от Юры многого, но то, что он увидел, превзошло все ожидания. Перед ним стоял здоровяк ростом под метр девяносто, широкий в плечах, с крупной головой и таким лицом, которое сразу внушает уважение, если не трепет. Это было лицо человека, умеющего повелевать и не терпящего отказов. Костюм хорошего покроя, белоснежная рубашка с расстегнутым воротом, на шее – массивная золотая цепь. На среднем пальце правой руки – золотая печатка. Типичный набор крутого парня.

– Ну, здравствуй, что ли! – Юрий протянул руку.

Андрей ощутил крепкое рукопожатие, отметив про себя, что из такого захвата, если прихватит, не так то просто будет вырваться.

– Здравствуй, Юра. Ты как меня нашел?

– Как нашел? Да очень просто, – приятель рассмеялся. – Я уже давно за тобой слежу. Кто же не знает об успехах Андрея Глотова? Ведь я всем знакомым говорю: вот мой друг детства! Эх, Андрюха, как же я рад тебя видеть. Живём в одном городе, а столько лет не могли встретиться!

– Действительно, – пробормотал Андрей. Он не знал, как себя вести. Перед ним был чужой человек. Да, угадывался в нем тот далекий Юрка-первоклассник, с которым они таскали варенье из подполья и тузили неприятелей с соседней улицы. Но слишком уж много утекло воды с той поры. Андрей огляделся. – Ты как, пешком?

– Обижаешь, – покачал Юрий головой и показал на обочину, где стояла дорогая иномарка черного цвета.

– Твоя?

– Ну ясно море, что не тёщина.

Они развернулись и пошли к машине.

– Так ты женат? – спросил Андрей первое, что пришло на ум.

– Да ну её к... – молвил друг детства, присовокупив крепкое словцо, – лучше давай о тебе поговорим. Как ты живёшь?

– Нормально, – Андрей пожал плечами. – У меня всё в порядке.

– Может, проблемы какие есть? Ты не молчи. Я ведь не последний в городе человек.

Они приблизились к машине, Юрий открыл заднюю дверцу, жестом приглашая Андрея садиться.

– Вперёд! – распорядился Юрий, когда они устроились на заднем сиденье.

Двигатель бесшумно заработал, машина качнулась и плавно покатила. Заголосил Вилли Токарев из мощных динамиков. Андрей усмехнулся – вкусы у братвы почти не изменились. Как и 20 лет назад, Вилли Токарев упивался своими фальшивыми чувствами:

Моя любовь, запомни, в этом мире
Никто меня с тобою не помирят.
С тобой мы можем только сами, только сами –
Найти Луну под голубыми небесами...

Трудно было представить себе большую безвкусицу и бессмыслицу. Андрей глянул сбоку на друга детства. Тот чувствовал себя совершенно в духе, музыка ему очень нравилась. Он подкурил сигарету от копеечной зажигалки, затянулся с наслаждением.

– Тебе не предлагаю, – молвил задумчиво, – знаю, что не куришь. Ты же спортсмен! Правильно делаешь, уважаю!

– Ты многое знаешь обо мне, – сказал Андрей. – А я о тебе ничего не знаю. Слышал, что ты борьбой занимался. Был чемпионом области.

– Да, было дело, – поморщился Юрий. – Занимался классикой, выступал по юниорам. Вырупаев меня тренировал, олимпийский чемпион. Слышал о таком?

– Ну как же! Кто же не знает олимпийского чемпиона. Замечательный человек. Я тоже у него прозанимался пару лет.

– Вот-вот, – крикнул Юрий. – Этот замечательный человек выгнал меня из секции.

– Это почему же?

– Я во время соревнований две руки сломал, в один день.

– Чьи?

– Ну не свои же. Два открытых перелома учинил на зональных соревнованиях. Меня бояться стали. В финале я за одиннадцать секунд «кэ-мэ-эса» на лопатки положил. Шутка ли! А ведь мне всего семнадцать было. Первый разряд у меня был тогда. А тут этот парень, ему уже двадцать лет, он по мужикам выступал, тянул на мастера.

– Так радоваться надо, если ты в семнадцать лет одолел мастера спорта. Тайсон ещё похлеще начинал!

– Да знаю я про Тайсона. Только тренер мне сказал, что ему не нужны костоломы.

– Так ты, может, не по правилам боролся?

Юрий с удивлением посмотрел на него.

– Как же не по правилам? Там всё очень просто – схватил – и ломай соперника к едреней фене. Только подножки нельзя делать, и удары запрещены – это само собой. Чего тут непонятного? Всё очень просто... Не в правилах дело! Понимаешь, я когда на ковер выходил, в меня такая злость вселялась, что я готов был разорвать любого. Даже не слышал, что мне рефери кричал в самое ухо. Приходилось меня стаскивать с соперника. А тот тоже орёт благим матом. Один тренер в суд на меня хотел подать, да передумал потом. Да и какой суд? Ведь это же соревнования! Я ж не виноват, что у меня силы на десятерых? Вот и отставили меня от борьбы. До сих пор жалко.

Андрей оценивающе глянул на бычью шею друга, на покатые плечи, за которыми угадывалась железная мощь, вспомнил давний эпизод с третьеклассником – и совершенно поверил рассказу. И тому, что выгнали из секции – тоже поверил. Всё же классическая борьба – это не панкратион, и даже не бокс, где всякое может быть и где чемпионы даже откусывают уши у своих соперников.

Андрей усмехнулся своим мыслям, спросил раздумчиво:

– А боксом ты не пробовал заниматься?

– Зачем ещё? Если понадобится, я и без бокса любому так в рыло заеду, что потом никакая больница не примет.

– А я вот карате увлекся.

– Слышал. Молодец! Только я думаю, что со мной тебе всё равно не справиться. Я и в детстве поздоровее тебя был. Помнишь, поди?

– Помню, – легко согласился Андрей. – Таких как ты друзей у меня больше не было. Жалел я сильно, что ты тогда уехал. Долго про тебя вспоминал.

Андрей вздохнул, а Юрий сделал глубокую затяжку и рассеянно глянул в окно.

– Так ты не сказал, чем теперь занимаешься, – спросил Андрей.

– А занимаюсь я тем, что навожу в городе порядок. Нету у нас порядка ни в чём. Противно глядеть. Пидоры кругом. Пидоры и жлобы. – Он повернул голову и улыбнулся одними губами: – К тебе это, понятное дело, не относится.

Андрей пропустил последнее замечание мимо ушей. Брови его сдвинулись.

– Я что-то не понял, о каком порядке ты говоришь?

– О человеческом!.. Во! – мы уже приехали. Вылазь! Посидим, как люди, поговорим за жизнь.

Андрей выбрался из уютного салона, ступил пару шагов и невольно остановился. Они оказались на крутом берегу реки. За рекой убегала вдаль бескрайняя снежная равнина. Справа и слева её замыкали невысокие горы. А где-то там, за горизонтом, лежал в своём каменном ложе Байкал. А за спиной у них, вдоль берега, выстроились как по шнурку одинаковые коттеджи из красного кирпича. Все двухэтажные, с башенками и балкончиками; видно, что дорогие и ухоженные. По периметру их опоясывала глухая кирпичная ограда.

– Вот мое логово! – не без гордости обвел рукой Юрий строения. – Нравится?

– Нравится.

– Пойдем, что ли?

– Пошли. Только ненадолго.

– Ты что, домой торопишься? Можно подумать, тебя там кто-то ждёт. Не торопись, Андрюха! На тот свет мы всегда успеем!

– Ты это о чем? – Андрей остановился.

– Да пошли уже, нечего тут на ветру стоять. Продует еще. Вы, спортсмены, больше всего боитесь простудиться. Уж я-то знаю, как дует ветерок – всё, сливай воду. Сам такой был. Пошли-пошли!

И, не давая вставить слова, препроводил Андрея в дом.

Дом был шикарный, но какой-то холодный и словно нежилой. Не чувствовалось в нём уюта, душевности, хотя жарко грели батареи, всё сверкало чистотой, ниши заполняла роскошная мебель чёрного дерева, а на втором этаже ярко пылал камин. Но от всего этого веяло холодом. Однако Андрей не стал ничего говорить хозяину. Не его дом, нечего и хаить.

На втором этаже был накрыт большой круглый стол из плотного тёмного стекла. По обеим сторонам стояли глубокие удобные кресла, в каждый из которых можно было поместить небольших размеров бегемота. Андрей глянул сверху на закуски и зажмурился. Салаты мясные и рыбные, курица варёная, индейка печёная, свежие помидоры, огурцы, зелень какая-то в лохани, шпроты, сыры, колбасы... всего не перечесать. Водка стояла в квадратных бутылках, коньяк армянский пятизвездочный, шампанское, ликеры, «кока-кола». Прислуживали две девицы – молодые, пышнотелые, обе в коротких юбочках. Хозяин с ними не церемонился. Точнее, вовсе их не замечал. Отдавал приказания словно в пустоту, но всё исполнялось незамедлительно. Чувствовался железный порядок – тот, что основан на страхе.

Андрей не стал отнекиваться и выпил рюмку коньяка, к которому питал слабость. Водка, вино, шампанское – ничто его не привлекало. Но коньяк, если он настоящий – тут уж трудно было устоять. Да и зачем отказываться? Иногда и полезно бывает – в умеренных дозах. А после коньяка так хорошо идёт на закуску буженина с молодой петрушкой, с чёрными оливками, с луком, с огурцом, с сочными мясистыми помидорами и ещё бог знает с чем. В какой-то момент вкусовые ощущения притупились, и Андрей ел всё подряд, не чувствуя никакой разницы.

Всё было отлично, но Андрей хотел разобраться – какой такой порядок поддерживает его друг в городе.

– Так ты чё, не понял, что ли? – искренне удивился Юрий, когда Андрей задал наводящий вопрос. – В законе я, понимаешь? Свердловский район – моя территория. Я тут смотрящий.

– Так ты что, сидел?

– С чего ты взял? Я что, похож на человека, которого можно вот так вот взять и засадить за решётку?

Андрей усмехнулся.

– Насколько я знаю, вор в законе обязан побывать на зоне. А иначе он как бы не настоящий.

Юрий поставил фужер на стол, отодвинул его пальцем.

– Это теперь не обязательно. Времена меняются. Главное, чтобы человек был с понятием.

– А ты с понятием?

– А ты что, сомневаешься? – Юрий сверкнул глазами, и сразу стало ясно, что он не любит двусмысленностей. Лицо стало жёстким, на скулах обозначились желваки. Это был уже не тот Юрка Змановский, которого когда-то знал Андрей. Перед ним был настоящий мужик – сильный, бесстрашный и беспощадный.

– Да я просто так спросил, – ответил Андрей и потянулся за бутылкой с кока-колой. – Так значит, ты неплохо живешь?

– Не жалуюсь.

– И всё хорошо у тебя?

– Хорошо. Чего не скажешь о тебе.

– А что ты про меня знаешь?

– Да знаю кое-что! Даже такое, о чем ты не подозреваешь.

– О чем это я не подозреваю?

– Охота на тебя ведётся. Хороших людей ты обидел. Вот что.
– Эти люди ведут себя как свиньи.
– Не тебе их судить. У них свои законы.
– Закон для всех один. Не трогай ближнего, тогда и тебя не тронут.
– Некоторых надо тронуть.
– Это ты про меня? – Андрей с улыбкой посмотрел на друга.
– Нет. Ты случайно в это дело встрял. Я слишком поздно узнал. Уже ничего нельзя было сделать. Да это и не моя территория. Ты ведь у танка засветился. Всё, что я могу для тебя сделать – это сегодняшней вечер. И ещё дам тебе совет. Немедленно уезжай из города. Я тебе уже ксиву сделал. Считай, что это подарок от меня. Последний. Больше уж не увидимся.

– Почему не увидимся? Только встретились после стольких лет. Юрка, ты меня пугаешь. Друг детства шумно вздохнул.

– Я сейчас против шерсти иду. Если братва об этом узнает, а она обязательно узнает, мне придется объясняться. Я тогда скажу, что ты друг детства и я не мог поступить иначе. Один раз меня простят. Но на большее я не рассчитываю. И ты тоже не рассчитывай. Всё очень серьезно. Ты ведь мертвяков заделал. Это тебе не игрушки. Такое не прощается никому. И мне бы не простили тоже.

– Ну что ж, спасибо. Только напрасно ты обеспокоился. Я не собираюсь никуда уезжать из Иркутска.

Юрий переменялся в лице.

– Андрюха! Да ты с ума сошёл! Обдумай всё хорошенько. Веришь ли, не было у меня после тебя настоящего друга – ни одного! Казалось бы, что за ерунда – пару лет всего мы с тобой дружили, да и были-то мы сопляками. А на всю жизнь я тебя запомнил. Как жаль, что я тогда уехал. Сейчас бы вместе дела проворачивали. Нас бы ни одна сволочь не тронула!

Андрей усомнился в такой приятной перспективе, но спорить не стал. Лишь слабо кивнул и произнёс сдержанно:

– Ничего, всё у нас впереди.

– Ничего у нас впереди нет! – возразил Юрий. – Наши дороги разошлись. Сегодня мы встретились для того, чтобы ты знал, что у тебя есть друг, и друг хочет тебя спасти, несмотря ни на что.

– Спасибо. Я это запомню.

– Ты подожди благодарить. Ты ведь самого главного не знаешь.

– А что – главное?

Юрий посмотрел на часы, Андрей машинально повторил его жест. Часы показывали половину одиннадцатого.

– Главное, что ты всё ещё жив, – торжественно объявил Юрий.

Андрей вопросительно смотрел на него.

– Ты всё ещё не понял? – Юрий наклонился к нему. – Твою квартиру взорвали только что!

Андрей замер от неожиданности.

– Не понял.

– Если бы я тебя сегодня не перехватил, тебя бы уже не было в живых. И значит, что?

– Что?

– Значит, я тебе жизнь спас! И за это надо выпить.

Андрей медленно поднялся.

– Ты хочешь сказать, что мою квартиру взорвали, пока мы тут с тобой сидели?

– Ну да, взорвали. А ты думаешь, что если бы ты там был, что-нибудь изменилось бы?

– Но почему ты мне сразу об этом не сказал? – воскликнул Андрей.

– Я не мог, не имел права. Да и ни к чему это. Чёрт с ней, с квартирой. Главное, что ты остался жив. Давай выпьем еще по одной. Может, водочки?

Андрей молча стоял. Голова кружилась – то ли от коньяка, то ли от помидоров. А может, от всего сразу.

Юрий наполнил рюмки.

– Пей! За собственное воскрешение!

Андрей опустил голову.

– Я пойду.

– Да ты совсем ошалел! Куда ты ночью пойдёшь? Автобусы здесь не ходят. Утром я тебя сам отвезу, куда скажешь. Да и нельзя тебе туда сейчас. Они ведь думают, что ты погиб! Бери паспорт и сматывайся. Денег я тебе дам на первое время. Десять штук хватит? Ведь это же и хорошо, что так всё вышло. Говорю тебе, я случайно узнал, в последний момент. Ты теперь умер для них. Сматывай удочки и живи в свое удовольствие. Москва, Питер, Псков, Новгород, Тула, Воронеж – выбирай любой город. Я всё устрою. Откроешь там спортивную школу, начнёшь новую жизнь. Чего ты застрял в этой дыре? Так много хороших городов на свете. Скажи: ты бывал на великих американских озёрах? Это, я тебе скажу, нечто! Куда там нашему Байкалу. Бабы там – во! Такие тёлки, ажна мороз по коже! Сами на... просят. Особенно когда узнают, что ты русский. Я одну тёлку всю ночь трахал, а ей всё мало. Такая жуткая бабища, прости господи. Попа, что твой диван – двумя руками не обхватишь...

Андрей протестующе поднял руку, ему теперь было не до скабрзностей.

– Но ведь там же люди, они могли пострадать!

– Какие еще люди? – вскинулся Юрий.

– Соседи по подъезду!

– А, вот ты о чём... О них не беспокойся. В таких случаях всё делается с умом. Так, осыплется известка с потолка, да пара стёкол вылетит в доме напротив – и вся любовь. Побелят потолки, обои переклеят, и дальше будут жить твои люди. Жизнь – это такая штука, что её трудно уничтожить. Иной раз даже противно делается. Давишь их, давишь, как тараканов, а эти твари всё ползают под ногами.

Андрей остановил взгляд на приятеле.

– Ты знаешь, кто это сделал?

– Конечно, знаю. Лёха Меченый. Ведь он в джипе сидел, когда ты его охранника трюмил. Таких вещей они не прощают. Я бы тоже не простил.

– И где его можно найти?

– В «Юбилейном». Коттеджи сразу за троллейбусным кольцом, знаешь? Три штуки, красный кирпич – один к одному. В каждом коттедже по три этажа, гараж и зимний сад. Рядом – стадион, охрана есть. Всё путём.

– Видел я эти сады Семирамиды. Думал, что там приличные люди живут.

– Не советую даже близко подходить. Там охрана в три ряда. Пришьют тебя, и все дела. У него ведь и в ментовке связи есть. Ты думаешь, почему они так быстро на тебя вышли? Я, конечно, не знаю, кто там у них закладывает. Да и знал бы, не сказал. Но кто-то стучит. Ясно, как божий день. Эх, Россия, до чего ж ты докатилась! Никому нельзя верить. Прокурора можно за лимон баксов купить, слыхано ли дело? Ну да чёрт с ними. Ложись-ка ты лучше спать. Тебе теперь некуда торопиться. До города пятнадцать километров. Или ты на лыжах покатишься?

Андрей налил в стакан минеральной воды. Внутри разливался жар, и он залпом вылил в себя холодный напиток. В голове мутилось, хотелось зажмуриться, не помнить ничего. Налил второй стакан – и так же залпом выпил. Вытер губы рукавом и повернулся к приятелю.

– Ладно, показывай, где тут можно прилечь. Завтра у меня трудный день. Вели подать мне раскладушку!

Юрий захохотал в голос.

– А ты молодец! В такой ситуации ещё способен шутить. А давай-ка мы с тобой в баньке попаримся! У меня массажистки – высший класс, настоящие профессионалки! Расслабят так, что про всё на свете забудешь.

– Не надо бани. Спать хочу.

Юрий внимательно посмотрел на друга и вздохнул.

– Ну, спать так спать.

Он живо поднялся и вышел из комнаты. Андрей слышал через стеклянную дверь, как он отдал распоряжение своим властным голосом. По коридору сразу забежали какие-то люди, заскользили тени по резному стеклу. Андрей сидел в удобном мягком кресле и смотрел на огонь, радостно полыхающий в камине. Но мерещились ему обугленные стены, копоть на потолках и – трупы, трупы во множестве – в неестественных позах, с искаженными лицами...

– Так ты не пойдешь в сауну, последний раз спрашиваю? – перед ним снова стоял друг детства.

– Не пойду.

– Ну, смотри. Жалеть потом будешь. – На лице у Юрия играла снисходительная улыбочка. Но Андрей был непреклонен.

Они вышли из гостиной, прошли несколько десятков метров по коридору, поплутали по закоулкам этого диковинного дома и попали, наконец, в затемнённую комнатку небольшого размера, в которой было так тихо и покойно, что хотелось броситься на белые простыни и забыть обо всём на свете.

Юрий еще постоял какое-то время, потом хлопнул друга по плечу:

– В девять я тебя разбужу. Ну всё, спим! – и вышел.

Утром Юрий отвёз Андрея домой – как он ни уговаривал друга немедленно уехать из города, тот не внял доводам разума.

Андрей проворно взбежал на третий этаж. Лестничная клетка вся была в чёрной копоти, по битым кирпичам и хрусткому крошеву ходили хмурые люди, на лицах у них было написано всё что угодно, кроме удовольствия. Пожилая соседка, увидев Андрея, охнула и прижала ладонь ко рту.

– Андрюша, ты жив?!

– Как видите.

Он прошел сквозь дверной проем, в котором отсутствовала дверь, миновал тёмную прихожую и очутился в гостиной. Первый взгляд – на стену. Меча на стене не было. Портретов – тоже.

Разгром в квартире был отменный! Мебель почти вся сгорела, превратившись в обугленные остовы. Стёкла в окнах выбиты, а на полу – хлам из штукатурки, тряпок, битой посуды, каких-то железок и обгорелого тряпья, словно здесь произошло крушение поезда.

Фотограф с камерой вдруг останавливался там и сям – с озабоченным видом делал снимки, слепил людей своей вспышкой, скрипел ботинками по битому стеклу и что-то бормотал сквозь зубы. Впрочем, на него никто не обращал внимания.

– Это вы хозяин квартиры? – Андрея тронули за плечо. Перед ним стоял полицейский – небритый, весь какой-то мятый, с синяком под левым глазом. Таких блюстителей порядка Андрей ещё не видывал.

– Да, я.

– Вас просили срочно подъехать в райотдел, вот адрес. – Он протянул сложенную вчетверо бумажку.

– Хорошо. – Андрей сунул бумажку в карман и прошёл в спальню, которая пострадала меньше других комнат. Достал из стенного шкафа спортивную форму: кимоно, брюки, пояс,

накладки, полотенце, бинты. Побросал вещи в спортивную сумку, затем вытащил документы из внутреннего кармана пиджака и направился к выходу.

- Вас просили сразу приехать, как только появитесь! – крикнул в спину полицейский.
- Да понял я, – бросил Андрей на ходу, – не глухой.

До райотдела Андрей неспешно добрался пешком. Дежурный, сидевший на крутящемся круглом табурете, долго пялился в его паспорт, потом настойчиво звонил куда-то, бубнил в трубку, принагнув голову и бросая на Андрея недоверчивые взгляды. Затем сунул в окошечко паспорт и пропуск с синей печатью.

- Кабинет сто восемь, первый этаж по коридору направо.

Андрей пошел по коридору в указанном направлении. Вдоль стен на скамьях сидели какие-то подозрительные личности, все испуганно тарасились на Андрея и имели такой вид, словно их через пять минут поведут на расстрел. В коридоре было темно, неуютно и как-то дико. Приблизившись к нужной двери, Андрей коротко постучал и, распахнув дверь, шагнул внутрь.

Увидев его, из-за стола, заваленного бумагами, вышел человек невысокого роста, плотный, лет пятидесяти. На погонах – четыре звездочки, на голове – сверкающая лысина.

- Андрей Викторович Глов? – Он дружелюбно протянул руку: – Панасенко Сергей Львович, оперуполномоченный. Буду заниматься вашим делом. Присаживайтесь.

Андрей машинально пожал руку и сел на стул возле стола, выжидательно посмотрел на лысого капитана.

Тот занял своё место, подвинул к себе чистый лист и взял карандаш.

- Фамилия, имя, отчество.

Андрей ответил.

- Год рождения, образование, место работы, адрес...

Когда формальности были соблюдены, капитан откинулся на спинку и заговорил уже другим тоном.

- Как вы думаете, кто мог совершить взрыв в вашей квартире? У вас есть враги?

Андрей на секунду задумался.

– Вообще-то должны быть. Просто так квартиры не взрывают, – произнёс без всякого выражения.

- И кто же это? Вы их знаете?

– Знаю, что это местная братва. Паспортов я их не видел, но кличку главаря знаю.

- И кто это? – сверкнул глазами капитан.

– Меченый!

– Гм... – капитан сделал озабоченное лицо, качнул подбородком и хмыкнул. – И что, у вас есть доказательства?

- Какие ещё доказательства?

– Что это именно его парни взорвали вашу квартиру.

- Нет, доказательств у меня нет. Эту уж вы ищите доказательства.

– Да мы-то ищем. Но меня вот что интересует: а что вы такого совершили, что Меченый оказывает вам свой интерес?

– Я его человека ударил. А потом еще нескольких. Они на меня напали, когда я входил в подъезд, ну и мне ничего не оставалось.

– Так-так, – с укоризной протянул капитан, – одного, а потом ещё нескольких. Что-то я такое слышал. Двое лежат в реанимации, один в морге, а ещё один лечится амбулаторно, отделался лёгким испугом. Что же вы, Андрей Викторович, так неосторожно себя ведёте? Разве для этого вы изучали древнее боевое искусство?

– Я защищал свою жизнь. Возможно, что немного переборщил. Но ведь они были вооружены. Некогда мне было рассуждать и оценивать шансы! Тут уж одно из двух: или они, или я. Мало, что ли, у нас на улицах мирных граждан убивают?

Граждан убивают немало, и капитан знал об этом лучше других. Две недели назад в центре города зверски убили единственного сына известного в городе журналиста, главного редактора газеты и директора книжного издательства. Как обычно, никто ничего не видел, убийц по горячим следам поймать не удалось. Похороны вылились в стихийный митинг. Но что толку? Молодой двадцатилетний парень погиб. И сколько их гибнет от рук бандитов – без всякой причины, без разумного объяснения, вопреки всякому здравому смыслу?

Капитан смекнул, что разговор оборачивается не в его пользу, и переменил тактику.

– А вы не обращались в полицию по факту нападения?

– Нет, не обращался.

– Вот это зря! Если бы сразу обратились, возможно, и не было бы сегодняшнего инцидента.

Андрей не стал спорить. Капитан попался дубинноголовый. Толку от такого следователя будет мало – это уж он понял.

– Есть ещё ко мне вопросы? – спросил устало.

Вопросов не было. Андрей подписал протокол и покинул неуютный кабинет. Вышел на улицу и остановился на минуту. От полиции проку не будет. Надеяться можно было только на себя. Вздыхнув глубоко, он поправил сумку на плече и пошел к трамвайной остановке. Он еще успевал на одиннадцатичасовую тренировку.

Через несколько дней Андрей установил в квартире новую дверь. Вывез на свалку гору мусора, наскоро побелил потолки и прикупил кой-какую мебель. Тренировки не прекращались. Ценой огромного напряжения сил ему удалось сохранить прежний ритм жизни: две тренировки утром и три вечером. Внешне он ничуть не изменился, был всё так же строг и точен. Можно было решить, что вместо нервов у него стальные жилы. Он и раньше редко смеялся, а теперь лицо его стало похоже на древнюю ацтекскую маску. Взгляд острый, пронизывающий, широкие скулы стиснуты, голова чуть наклонена вперёд – столкнуться с таким нос к носу в тёмной подворотне не всякий бы рискнул. А между прочим, это был, в известном смысле, самый безобидный человек на свете – в том смысле, что без причины он бы и мухи не обидел, никогда бы не поднял руку на незащитного человека.

Внешность часто бывает обманчивой!

Через неделю Андрей позвонил следователю. Тот сообщил беззаботным голосом, что дело находится в производстве и пока что найти исполнителей взрыва не удалось.

– Но ведь я вам же сказал, кто это сделал! – заметил Андрей.

– Слова к делу не пришьешь. Нужны доказательства. А с доказательствами у нас не густо. Как всегда, никто никого не видел, никто ничего не знает. Отпечатков пальцев преступники не оставили, зацепиться не за что.

– Понятно, – сказал Андрей.

А жизнь шла своим чередом. В воскресный день в пригороде Иркутска – городе Шелехово – проводились соревнования по карате. Андрей выставил пять спортсменов – коричневые и чёрные пояса. Это были юноши не старше двадцати лет, и для них подобные проверки были необходимы. Они и сами рвались в бой, желая проверить полученные навыки.

Начало соревнований было назначено на двенадцать. Андрей подъехал к спортивному комплексу на час раньше. В соревнованиях принимали участие несколько иркутских школ, шелеховские каратисты, команды из Братска и Ангарска. Общее число участников перевалило за сотню.

Бои считались бесконтактными, но все понимали, что контакты будут. Будут нокдауны и будут неизбежные травмы. Время бесконтактного карате кануло в Лету вместе с «развитым» социализмом. Как и социализм, бесконтактное карате явилось таким теоретическим вывертом, а лучше сказать – выкидышем, нежизнеспособным и глубоко ущербным. Жизнь стихийна в своей основе, она не нуждается в искусственных ограничениях и опровергает все схемы и теории. Эволюция совершает свою уверенную поступь безо всяких схем и искусственных ограничений, но исключительно своей внутренней силой и благодаря полной свободе выбора путей и способов движения. Это общий закон, и этому закону подчиняются все частности и локальности. Карате как раз и есть такая частность, и к нему применимы всё те же законы и принципы, благодаря которому Жизнь одержала верх над косной материей.

Спортсмены не рассуждали подобным образом, но сама действительность заставляла их действовать так, а не иначе, требовала самоотдачи и целеустремлённости, при этом отвергая всё противоестественное и косное.

Всё в этот день было как обычно: парад участников, торжественное открытие соревнований, бравурная музыка, суровые речи маститых адептов древнего боевого искусства. Затем спортсмены отправились на разминку. В программе соревнований были «ката», «тамешивари» и «кумите». Все ждали спаррингов. Удары в воздух, разбивание досок и черепицы – всё это лишь косвенные показатели силы. Лишь реальный бой может показать, кто и чего стоит в этой жизни. Нередки были случаи, когда спортсмены с низшими поясами или вообще без оных неожиданно побеждали владельцев коричневых и даже черных поясов. Поэтому поединки и вызывали такой интерес. Это была та самая практика, которая поверяла теорию.

«Ката» и «тамешивари» прошли гладко. Правда, у группы Глотова не заладилось с доской. Кто-то принес сырую листовничную доску толщиной в сорок миллиметров, не оструганную и занозистую. Андрей с первого взгляда понял, что разбить ее будет непросто, но доска уже была вынесена на татами, менять на глазах у всех её было нельзя.

Первым бил Данилин Саша, обладатель третьего «кю». Ударил два раза кулаком – не сломал. Затряс кулаком, словно стряхивая налипшие опилки. Костяшки пальцев налились кровью, прямо на глазах разбухли. Решили не испытывать судьбу – переломы пястных костей зарастают долго, а психологическая травма остаётся на всю жизнь. Данилин покинул ковёр с опущенной головой. Вместо него вышел Толя, рослый бурят, второй «кю». Встал боком к доске, сделал два подшага и резко ударил «йоко-гери-кеаге». Доска устояла. Спортсмен повторил удар – с тем же успехом. И в третий раз приложился к доске ребром стопы – все пальцы отбил у тех, кто держал доску. Толку не было. Пришлось отозвать и его. На лицах болельщиков показались ироничные улыбки. В самом деле, две подряд неудачи – это уже чересчур. Так и опозориться недолго. Третьей осечки быть не должно. Андрей поднял с места Колю Гинкулова – самого сильного и уравновешенного в команде спортсмена. Высокий двадцатилетний парень даже внешне походил на тренера. Худой и жилистый, он обладал резким и сильным ударом. А сейчас требовался именно такой удар – хлесткий и концентрированный. А иначе – всем хана.

Коля прекрасно сознавал сложность ситуации. Слегка покраснев, он вышел на татами. Поклонился судьям и встал в позицию перед доской. Видно было, что он решил бить рукой, и это был правильный выбор. Простое «зуки» – ничего другого не требовалось. Коля примерился, принагнул голову, шумно выдохнул и резко, с криком, ударил. Доска громко треснула, на пол упали две половинки. Коля поспешно поклонился и бегом направился на скамейку. Ребята принялись его поздравлять, хлопали по плечу, улыбались. Честь команды была спасена.

Андрей незаметно перевёл дух. Сколько он видел переломов рук, сломанных запястий, изуродованных пальцев? Сколько раз травмировал собственную кисть? Дело это нехитрое – пальцы себе сломать. Ничего хорошего в этом нет.

Наконец, начались спарринги: по одному двухминутному раунду. Что такое две минуты? В карате – срок огромный. Хороший каратист за две минуты полсотни человек уложит. По

одному удару на каждого – большего не требуется. Если понадобился второй удар, значит, что-то неладно с техникой.

Первым на татами вышел Коля. Высокий и нескладный, он брал резкостью, длинной рук и ног. Соперник заметно побаивался его, хотя у него тоже был черный пояс. Но он был чуть пониже, сутулый и плохо скоординированный. Коля подшагнул к нему и нанёс «мае-гери» в живот. Через полминуты «маваши» слева и тут же, без паузы – «ура-маваши-гери». Противник стал пятиться, видно, что не поспевал с защитой. Коля наступал, нанес несколько прямых ударов руками в корпус и, под занавес, сокрушительный «уширо-гери» в живот. Противник вылетел за ковёр и остался лежать, согнувшись пополам. Судьи дружно подняли белый флаг: «Фусен шо»!

Коля встал на середину татами и поклонился:

– Осс!

Первый бой выигран в отличном стиле, начало было положено.

Но дальше поединки проходили с переменным успехом: двое ребят выиграли свои схватки, а двое проиграли. Проигрывали в равном бою, а выигрывали за явным преимуществом. Учеников Глотова побаивались. Стиль вроде тот же, что и у всех. Но удары мощнее, резче. И сами спортсмены держат удары – будь здоров. Редко кто из его воспитанников оказывался в нокдауне. Это достигалось особыми тренировками, когда во время поединков наносились акцентированные удары в корпус, за исключением особо сильных, вроде «уширо-гери». Спортсмены старались удержать удар, погасить импульс. Андрей стремился одеть учеников в «железную рубашку» – создать непробиваемый мышечный корсет. И еще необходима сила духа – пресловутая сила духа, над которой кто только не потешался, но в реальность и действенность которой Глотов свято верил, потому что отчётливо чувствовал её внутри себя.

Домой возвращались возбужденные, довольные. Вся команда поместилась в машине тренера – четверо на заднем сиденье, двое впереди. Подобные соревнования проводились не часто – раз в полгода, и для ребят это была хорошая встряска. Иные ночь не спали перед стартом. Оно и немудрено, карате – не шахматы.

Андрей выехал на автостраду, соединявшую Шелехово с Иркутском, и резко набрал скорость. Миновали виадук над железной дорогой и понеслись под уклон по прямому и гладкому шоссе. Скорость приближалась к сотне, дорога довольно узкая, на обгон решится не всякий. Андрей увидел в боковом зеркальце, что его догоняет шестисотый «мерседес», и прибавил газу. Шоссе через несколько километров плавно изгибалось влево и уходило на затяжной подъем по знаменитой Олхинской горе. На скорости в сто двадцать километров «девятка» летела в гору. «Мерседес» взял влево и нагло пошёл на обгон, скорость у него была не меньше ста сорока. Андрей уступил дорогу и с осуждением посмотрел на сумасшедшего водителя. Когда машины поравнялись, боковое переднее стекло у «мерса» резко опустилось и в лицо Андрею глянул чёрный ствол автомата. Андрей вдавил в пол педаль тормоза, одновременно услышав громкий треск, словно колотили молотком по жести. Длинная очередь прошла салон, зазвенели стёкла, Андрею обожгло левое плечо, глухо вскрикнул Коля, сидевший с краю, секунда – и «мерседес» умчался вдаль, столб снежной пыли смазал его очертания. «Девятка» ткнулась в заснеженный бруствер у обочины, Андрей выскочил из салона и распахнул заднюю дверь. Коля повалился ему на руки, волосы его были залиты кровью – пуля попала в голову, чуть выше уха. Он был без сознания. Его осторожно положили на заднее сиденье, Андрей разордал аптечку, вытащил йод и бинты. У него самого из рукава капала кровь, но он не обращал на это внимания.

По Колиному лицу разливалась мертвенная бледность. Ребята затихли. Андрей быстро обработал голову йодом и перебинтовал.

– В больницу! Живо!

Двое сели сзади по бокам, один держал на коленях Колину голову, другой придерживал ноги, безвольно болтавшиеся от каждого толчка. Андрей захлопнул дверцу, взревел мотор. Машина рванулась вперед.

До ближайшей больницы было километров десять, но уже через пять минут машина затормозила у приёмного покоя десятой городской больницы. Андрей взбежал по каменным ступенькам, стал барабанить в запёртую дверь... Коля уже не дышал. Было слишком очевидно, что всё зря, ничем уже тут не поможешь, но Андрей продолжал стучать и, наконец, выломал дверь. Навстречу ему бежали женщины в белых халатах, они что-то кричали, волосы их жутко развевались... Андрей ничего не слышал. Он уже вытаскивал Колю из машины и нёс на руках по коридору, всё дальше и дальше, сам не понимая, куда идёт, не слыша криков, не чувствуя веса, и такая боль раздирала его грудь, что хотелось кинуться на эти стены и крушить всё вокруг, ломать, бить – пока всё не рухнет, пока не станет темно и весь мир не исчезнет, не провалится в преисподнюю.

Он плохо помнил, что было дальше. Сознание работало вспышками. Вот он идёт как пьяный по коридору, что-то выкрикивая и натываясь на стены, его хватают за руки какие-то люди, что-то настойчиво говорят в лицо, но он ничего не слышит. А вот он уже сидит на стуле, блестящий шприц с прозрачной жидкостью вонзается ему в руку, и он чувствует тупую боль в руке. Рубашка на нем разорвана, левого рукава нет, и молодая медсестра бинтует ему предплечье. Зачем?.. Он пытается встать, но кто-то сзади сильно давит на плечи, и он понимает, что вставать не следует. Потом ему ударил в нос острый запах. Он знал этот запах, сколько раз он его вдыхал во время соревнований. Вот и теперь, ноздри его затрепетали, плечи расправились, и он с наслаждением вдохнул едкий запах нашатыря, от которого словно прибавляется света в глазах и мир становится бескрайним и светозарным. А потом он вдруг провалился в бездонную яму – чёрную и глухую. Сознание покинуло его.

Колю Гинкулова похоронили через три дня. Андрей к этому времени уже пришёл в себя. Рука почти не болела – пуля прошла навывлет. Хуже было с головой. Было чувство оглушенности. Постоянно что-то звенело и давило на мозг. И ещё казалось, будто он что-то забыл – очень важное, такое, без чего нельзя больше жить.

Он встретился с родителями Коли. Это было страшнее всего. Получалось, что Коля погиб по его вине. Хотя его никто не винил, но сам Андрей знал, что виноват именно он. Если бы можно было, Андрей отдал бы свою жизнь вместо Колиной. Отдал бы десять своих жизней за одну чужую – но это было невозможно. В который раз повторялась страшная несправедливость: жил человек, не желающий жизни, и уходил в могилу тот, у кого впереди была вся жизнь – юноша, полный сил и надежд.

Во время похорон было много цветов, был удивительный памятник из мрамора, было много слез и много речей, не было лишь одного – не было Коли – лучшего ученика, которого Андрей почитал в душе за сына и которому старался передать всё, что знал сам. Понять этого было нельзя. Оправдать – тем более.

По городу поползли слухи о войне безбашенных каратистов с отморозенной мафией. Верными они были лишь наполовину: война велась с одной стороны. Да и что это была за война? С одной стороны группа подонков, стреляющих исподтишка и нападающих вчетвером на одного, а с другой – обычный человек, который ни от кого не прячется и не нападает первым. Но так было лишь до поры. Нелепая смерть молодого спортсмена стала своеобразным рубежом. Борьба вступила в новую фазу.

Сразу после похорон Андрей стал устраивать свои дела. Первым делом загнал машину в гараж к надёжному человеку. Затем сделал ряд звонков, отдал необходимые распоряжения. Занятия в секциях теперь должны были вести его ученики. Официально школа боевых

искусств ликвидировалась, но в частном порядке продолжение занятий не возбранялось – так он вывел из-под удара своих учеников.

Затем Андрей забрал из квартиры то, что называют предметами первой необходимости, а также документы и наличные деньги. Ключ от квартиры был отдан соседке по лестничной площадке – обычный пенсионерке, – без всяких обязательств с ее стороны. На законный вопрос, когда вернется, Андрей честно ответил:

– Не знаю.

С лёгким багажом, но с тяжёлым сердцем он вышел на улицу. Зима стояла, редкие прохожие спешили по своим делам, было морозно и скучно среди скудной сибирской природы. И странным ему казалось, что люди куда-то идут, к чему-то стремятся. Что за нужда гонит их сквозь ночь и мороз? Куда они все торопятся? Всё равно конец у всех один – могила, гниение, вечный мрак. Через десять лет после смерти тебя уже не вспомнят. Через сотню лет сотрутся последние следы. Даже прямые потомки затруднятся назвать твое имя. Для чего же тогда эта суета? Есть ли цель у жизни? В чем её смысл? Каждый сам решает для себя этот вопрос. Находит свой смысл, ставит собственные ориентиры, затем достигает их или промахивается – это уже не суть важно, главное, чтобы такие ориентиры были. Это наполняет жизнь смыслом, придаёт ей стройность. И горе тому, у кого таких ориентиров нет! Такого человека можно уподобить беспомощной шлюпке среди бушующего океана, или песчинке, которую могучий ветер неудержимо несёт вдаль.

Что-то похожее случилось с Андреем. Жизнь его надломилась. Что будет с ним дальше, он не знал. Но к прошлому возврата не было. Тренировки, соревнования, сон по расписанию – всё ушло безвозвратно. Казалось, что всю свою жизнь он готовился к чему-то главному, решающему, и вот это главное наступило. Приближается то, что потребует от него всех сил и даст окончательный ответ, зачем он явился в этот мир, достоин ли он подаренной ему жизни. И ради какой цели он тренировал своё тело и ковал свой непобедимый дух.

Для Андрея наступал момент истины.

Он снял однокомнатную квартиру в окраинном микрорайоне города на первом этаже обычной панельной пятиэтажки. Это была стандартная однокомнатная секция без телефона и без мебели. Он не торгуясь заплатил за полгода вперёд и сразу стал готовиться к визиту в компанию «СибТранс», которая базировалась в соседнем микрорайоне и до которой удобно было ходить пешком по заснеженной тропинке через гору, поросшую молодым сосняком. Затем он подстригся, так что волосы стали предельно короткими, обнажив светлую полоску у самых корней. Были куплены: чёрный костюм производства местной фабрики «Вид», импортная белая рубашка с галстуком и полуботинки на низком каблуке и с такой подошвой, на которой трудно было поскользнуться. Легкая дубленка неприметного оттенка и чёрная спортивная шапочка довершили дело.

Двадцать пятого декабря, во второй половине дня, когда уже начало темнеть, Андрей облачился в свой камуфляж и вышел из дома. Миновал ряд пятиэтажек, перешел оживлённое шоссе и по заснеженной тропинке стал подниматься в гору по узкой извилистой тропе. Он был совершенно спокоен и, можно сказать, ни о чём не думал. Смотрел себе под ноги и выбирал, куда поставить ногу, чтобы не провалиться под снежный наст. Старался не задеть стволы деревьев и поднимал изредка голову, оценивая дальнейший путь. Со стороны глядя, можно было подумать, что человек просто гуляет по лесу или, в крайнем случае, отправился на дачу, которых было немало в округе. Лицо спокойное, взгляд задумчивый или рассеянный, но никак не злой, не агрессивный.

Четыре километра Андрей прошёл за сорок минут. Сумерки обратились в ночь, мороз заметно усилился, в многоэтажках затеплились жёлтые огни. Андрей любил это время суток – народ возвращался с работы и на город словно бы снисходило умиротворение. Но не всех ждал в этот день спокойный вечер. Андрей направлялся к двухэтажным коттеджам, поставленных

буквой «Г» возле объездной дороги. Коттеджей было три – два в ряд и один сбоку. Огорожены забором из железных прутьев, по углам и на входе висели видеокамеры. Центральный офис находился в среднем здании, к нему и свернул поздний визитер. По заснеженному тротуару, мимо железных прутьев с одной стороны, и дорогих иномарок с другой – ко входу.

Калитка, сваренная из толстого железа, оказалась на замке. Андрей надавил на кнопку звонка сбоку и отступил, чтобы его было хорошо видно в видеокамеру, закрепленную на кирпичном столбике. Камера чуть повернулась, и Андрей понял, что его рассматривают. Он принял беспечный вид и отвернулся.

– Вам кого? – услышал из динамика металлический голос.

– Я хочу видеть Волкова Николая Сергеевича.

– Вам назначено?

– Нет. Но у меня деловое предложение для Николая Сергеевича. Он заинтересуется.

– Николай Сергеевич занят.

– Я всего на одну минуту!

Динамик молчал. Андрей снова надавил кнопку звонка.

– Николай Сергеевич не может вас принять, – проговорил динамик.

– Ну хорошо-хорошо, я вас понял. Возьмите для него бизнес-план. Выйдите, пожалуйста, я передам вам бумагу. Там мои телефоны. Если он заинтересуется, сам мне позвонит. – Андрей помахал перед камерой пустой кожаной папочкой.

Прошло несколько секунд. По-видимому, охранники совещались. Потом в динамике щёлкнуло:

– Заходите.

Калитка медленно растворилась, Андрей пошёл к дому, не быстро и не медленно, а совершенно так, как ходят нормальные люди. Он подивился про себя беспечности охранников. Они могли выйти и принять документы сквозь прутья. Тогда они остались бы живы. Но их подвела самонадеянность. Пистолет с полной обоймой делает человека излишне самоуверенным.

До входной двери было шагов пятнадцать. Андрей шёл, ни о чем не думая и ничего особенного не планируя. Всё будет нормально, а действовать нужно по обстановке – он полагался на свое хладнокровие, на реакцию, на умение предугадывать действия противника. Но когда он открыл двери и вошёл внутрь, то был обескуражен: сразу за дверью, по левую руку, располагалась высокая стойка, какие бывают в дорогих гостиницах, а за стойкой находилось сразу три охранника, да такие здоровые, упитанные, тяжеловесные! Чёрная форма на каждом, на одном боку болтается резиновая дубинка, на другом – кабура с пистолетом. Позади располагался пульт, весь расцветенный огоньками, телевизоры слежения стояли на столе, телефон, рация, тревожная кнопка и внутренняя связь – всё это Андрей рассмотрел в одну секунду, и у него сразу же созрел план действий. Он приблизился к стойке и протянул охраннику, что сидел на вращающемся кресле, свою папку.

– Здесь бизнес-план.

Андрей смотрел в упор на охранника. Тот привстал с кресла и протянул было руку за папкой, но замер, глядя в немигающие глаза странного гостя. Что-то ему почудилось странное в этом взгляде. Будь он здесь один, он сразу бы нажал на кнопку тревоги, и сюда сбежались бы человек двадцать и быстро всё уладили.

Андрей действовал быстро и решительно: резким движением перехватил запястье охранника и, сильно потянув на себя, нанес ему навстречу страшный удар локтем в челюсть. В доли секунды перекатился спиной по стойке и вдруг оказался на другой стороне. Двое охранников совершенно не ожидали такой прыти. Один судорожно схватился за кабуру, другой бесстрашно бросился с кулаками на Андрея. Этого удалца Андрей ударил в солнечное сплетение, пробив живот до позвоночника, а второго схватил левой рукой за волосы и наградил коленом в зубы, так что кровавые сопля полетели. Не прошло десяти секунд, как трое здоровяков лежали на

полу. Один сдавленно мычал, другой натужно силился вздохнуть, третий, лёжа на спине, всё мотал головой, словно бы хотел затянуть прощальную песню, да никак не мог. Жалко ли их было Андрею? Вряд ли. Он понимал, что выбора у него не было: или он, или они.

Так же легко перемахнув через стойку обратно, он сделал шаг к винтовой лестнице и стал осторожно подниматься по ступенькам. Под ногами была мягкая ворсистая дорожка, скрадывающая предательские звуки, на стенах – модный серый пластик. Домик был что надо – модный, дорогой, напичканный электроникой.

Второй этаж, на удивление, оказался пуст. Андрей двинулся по коридору, пропуская пластиковые двери без ручек и каких-либо опознавательных знаков, поднялся по лестнице ещё на пол этажа, свернул влево и увидел резные стеклянные витражи. Дальше идти было некуда и незачем. Он деликатно постучал в украшенное орнаментом стекло и медленно отворил дверь.

Секретарша – молодая, красивая, с холодным надменным взглядом крупных серых глаз – печатала на клавиатуре компьютера. В мягких кожаных креслах развалились двое головорезов в одинаковых черных костюмах. С одного взгляда было понятно – телохранители.

– Вы к кому? – секретарша округлила глаза, пальцы её застыли над клавиатурой. Такого здесь не водилось, чтобы без предупреждения и без сопровождения в святая святых так просто заглядывали незнакомые личности.

– Я к Николаю Сергеевичу, – сказал Андрей, показываясь весь. – Мне нужно ему договор отдать, и я сразу же уйду.

– Какой договор? – глаза у девицы почти выкатились из орбит.

Оба телохранителя разом поднялись. На лицах – ничего хорошего, но движения, покуда, ленивые.

– Вас кто сюда пустил? У вас есть пропуск? – спросил один.

– Есть, – ответил Андрей. – Вот! – Полез во внутренний карман, сгорбился, доставая нечто неуловимое и крайне неудобное. Вынимая руку, ударил ребром ладони парня в шею. У того дернулась голова, он как-то странно хлопнул и осел на пол. Другого Андрей ударил ногой в прыжке – прямо в лицо. Это был очень сильный, убивающий удар. Стокилограммовый парень отлетел на стену, гулко ударился затылком и осел на пол. Секретарша всё держала руки над клавиатурой. Андрей отметил про себя, что девица весьма недурна.

– Сиди тихо! – внушительно произнёс он. – Ты еще молодая, поживёшь.

Направился к плотной деревянной двери, за которой прятался от него Николай Сергеевич Волков – деятель, известный в криминальных кругах под кличкой «Меченый».

Андрей повернул по часовой стрелке золотую ручку и почти без шума открыл дверь.

Первый взгляд – на окна. Решеток не было. Второй – на хозяина кабинета. Маленький, белобрысый, худосочный – он сидел за огромным столом, заставленным какой-то аппаратурой. Костюм тройка, белая рубашка, галстук. И взгляд – донельзя самоуверенный, насмешливый, наглый – взгляд человека, которому позволено в этом мире всё. Он посмотрел на Андрея этим самым взглядом и лениво отвернулся. Очевидно, решил, что это новый сотрудник, которого еще не успели ему представить.

Андрей закрыл за собой дверь, щелкнул замком, так, что снаружи её нельзя было открыть.

Хозяин кабинета, услышав столь характерный звук, с удивлением посмотрел на вошедшего.

– Э, ты кто? – отрывисто спросил, едва разжимая зубы. Правая рука его скользнула в ящик стола. На полированную поверхность лёг «гражданин Макаров».

– Глов Андрей Викторович, – заговорил Андрей, медленно подходя к столу. – Я тот, на кого ты объявил охоту. Но ты напрасно за мной гонялся. Я сам к тебе пришел.

– Сам пришёл? – спросил Меченый и улыбнулся. Видно было, что этот человек ничего не боится. Как и Андрей, он не дорожил жизнью. Возможно, это и давало ему право повелевать людьми.

– Я пришел сказать, что ты больше не будешь здесь хозяйничать. Ты больше не будешь жить в этом городе. Я бы мог позволить тебе уехать. Но ты никуда не уедешь. Тебе нельзя верить. Поэтому я тебя убью.

Меченый засмеялся – искренне и простодушно, от души. В руках его был пистолет, стрелял он, видно, неплохо. Хватка чувствовалась уверенная.

– А ты молодец, – проговорил с кривой усмешкой. – Столько моих ребят уколошил. Прямо супермен. Но знаешь, что я тебе скажу? Зря ты сюда пришел. Я сейчас тебя застрелю, и никакое карате тебе не поможет.

Сказав так, Меченый навел на Андрея пистолет и нажал на спуск. Андрей видел движение пальца на спусковом крючке и вовремя присел и уклонился. Пуля просвистела над ухом.

Меченый опустил пистолет и покачал головой. На губах его играла довольная улыбка.

– Молодец! – сказал он. – Люблю отчаянных. Но знаешь ли, в обойме еще семь патронов. Лови пулю!

Он снова прицелился и выстрелил. Пуля должна была попасть в живот, но Андрей сделал упреждающий шаг влево. Нагибаться на этот раз не пришлось.

Меченый встал. На лице его показалось беспокойство.

– Да ты заговоренный, что ли?

Между ними было метров восемь. Меченый сжимал пистолет и уже не решался стрелять. Андрей по-прежнему стоял перед ним и неотрывно смотрел в глаза. В правой руке его был зажат стальной шарик – диаметром три сантиметра. Пущенный умелой рукой, он был невидим в полете и бил наповал. Но Андрей не спешил, он ещё не всё сказал этому типу.

– Слушай, я предлагаю ничью, – сказал Меченый. – Я тебя отпускаю, и мы расходимся миром. Тебя больше никто не тронет. Живи! Слово даю.

– Нет.

– Нет? Но почему? Я тебе дарю жизнь! Тебе этого мало?

– Ты ничего не понял. Сейчас я диктую условия. Это я могу тебе подарить жизнь. Твоя жизнь в моих руках.

– Да ты сумасшедший! Я тебя сейчас хлопну – и все дела!

Меченый вскинул пистолет и выстрелил в третий раз. Зазвенело разбитое стекло позади Андрея. Он развернулся на месте, якобы оглянуться, незаметно завел правую руку за спину и разворачиваясь махнул рукой по высокой дуге, пустив стальной шар в свободный полет.

Меченый оказался не столь ловок. Шар угодил ему точно в лоб, но не проломил кость, а лишь оглушил. Падая навзничь, он выстрелил в потолок, тем и ограничился. Андрей обошёл красивый дубовый стол, нагнулся и поднял с пола пистолет. Меченый был жив и вот-вот должен был прийти в себя. Андрей поднял его левой рукой за ворот и потрянул. Тот открыл глаза, секунда, и обеими руками он схватил удерживающую руку. Но это было бесполезно, силы были слишком неравны.

– Пусти, козёл! – прохрипел Меченый, с ненавистью глядя в глаза противника.

– Это тебе за Колю! – сказал Андрей и нанес сверху сокрушительный удар правой рукой в челюсть. Таким ударом он ломал кирпичи. Зубы, кровь, обломки костей лопнувшей сразу в нескольких местах челюсти – всё смешалось в кровавом месиве. Меченый потерял сознание во второй раз.

В дверь уже ломались.

Андрей навел пистолет на дверь и несколько раз выстрелил. Послышались стоны, проклятия, кто-то упал с той стороны – Андрей не стал ждать развязки. Взяв тяжелое кресло за спинку, метнул в окно. Добил осколки бронзовой статуэткой какой-то богини и прыгнул со вто-

рого этажа вниз, на заснеженную клумбу. Побежал вдоль дома и с ходу перемахнул через внутреннюю изгородь. Дальше было футбольное поле. Дальний забор граничил с объездной дорогой – всё те же двухметровые железные прутья, заостренные сверху. Перебежав поле, Андрей с ходу прыгнул на прутья, ловко перебрав руками, взобрался наверх и через секунду спрыгнул на тротуар с другой стороны.

Уж ночь наступила, по дороге ползли легковушки и тяжелые грузовики, жёлтый свет фар выхватывал из тьмы черный асфальт и грязный снег на обочине. Андрей не стал останавливать частника. Легкой трусцой преодолел двести метров до троллейбусной остановки и затерялся в толпе. Погони почему-то не было. Андрей залез в переполненный троллейбус и, проехав две остановки, вышел. Перешёл улицу и сел в автобус второго маршрута. Еще три остановки – и он в «Юбилейном». Прошёл десяток метров по тротуару, внимательно осмотрелся – всё было спокойно. И чем спокойнее и тише было кругом, тем тревожнее становилось у него на душе. Что-то было не так. Внутренний голос говорил об опасности. Но в чём она заключалась? С какой стороны ждать удара? Он медленно шёл вдоль дороги, всей грудью вдыхая ледяной воздух. Слева чернел лес: неподвижные деревья, слепые и глухие, молча держали на ветвях снежную кашу. Жутью веяло от этого леса. Андрей остановился и стал всматриваться в чащу. Было тихо, как пятьсот и тысячу лет назад. Машинально оглянулся – его догонял спортсмен в болоньевом костюме с капюшоном, бежал себе, горя не знал; он поравнялся с Андреем, скользнул равнодушным взглядом и побежал дальше – к тихим семейным радостям. Андрей перешёл дорогу и углубился в микрорайон.

Война войной, а поужинать тоже не мешало. Он зашел в магазин и купил пакет молока и булку чёрного хлеба. В магазине было светло и как-то празднично. Он смотрел на оживленных продавщиц, на покупателей, сноровисто рассовывающих продукты по авоськам, пристально глянул на молодую девушку, которая тоже на него пристально посмотрела и первая отвернулась, – и вышел из магазина. Всё он делал как обычно, но чувствовал, что уже не принадлежит этому миру.словно из-за стекла он рассматривал людей, как будто прилетел с другой планеты. Не было в душе ни горечи, ни радости. Полное равнодушие. С таким настроением идут на смерть, но с таким же настроением живут – словно исполняют тяжкую работу, неизвестно кем и для какой цели придуманную.

Придя домой, он залпом выпил молоко. После этого облачился в кимоно и, сев на пол, приступил к дыхательной гимнастике. Полчаса дыхания по особой системе, пришедшей к нам из древней Индии, помогали обрести спокойствие, проясняли ум и насыщали тело таинственной энергией. Каждый день, где бы ни находился, Андрей выполнял эту гимнастику. Во время медитации он вспоминал всё, что случилось за день, думал о дне предстоящем. Всё казалось ясным, легко осуществимым. Да таковым оно и было на самом деле.

Закончив медитацию, Андрей принял горячий душ и лёг на матрас, брошенный прямо на пол. Будильника он не держал, поскольку всегда просыпался в одно и то же время. Едва голова коснулась подушки, как мысли спутались, свинцовая тяжесть навалилась на грудь, и он уснул. Так спят дети и старики, а еще – люди со спокойной совестью.

Но ему не суждено было проснуться, как обычно, в семь утра. За полночь уже раздался громкий стук в дверь. Стучали настойчиво и без перерыва. Андрей подошел к двери.

– Кто там?

– Открывайте, полиция!

– Вы ошиблись, – сказал Андрей. – Я не вызывал.

– Нам нужен Глотов Андрей Викторович, – раздалось из-за двери.

Андрей помедлил секунду, затем открыл.

– Я Глотов. Что вам надо?

На площадке стояли пять или шесть человек в форме. Все молодые, рядовой состав. Лица серьезные и что-то уж чересчур напряженные.

– Одевайтесь, поедете с нами, – сказал один.

– Куда?

– В райотдел. У нас приказ доставить вас, – проговорил тот, что был за старшего.

Глотова в полиции хорошо знали. Неловкость испытывали все присутствующие.

– А в чём все-таки дело? – спросил Андрей, заранее зная, что ответа не получит.

– Нам ничего не известно, Андрей Викторович. Вы нас, конечно, извините, но мы действительно ничего не знаем. Нам сказали – мы приехали. Возможно, какие-то сведения по вашему делу хотят сообщить...

Полицейский лгал и понимал, что ложь его всем очевидна. Чтобы сообщить сведения, не посылают среди ночи группу захвата.

Андрей не стал больше спрашивать. Быстро оделся, замкнул квартиру, в которую ему больше не суждено было вернуться, и пошёл по ступенькам вниз. На улице стояло два УАЗа, оба с «обезьянником». Этого Андрей не ожидал – ясно было, что придется ехать в качестве задержанного. Хорошо еще, что наручники не попытались надеть. Усмехнувшись, он залез в узик через заднюю дверь и сел на низенькую скамейку. Дверь захлопнулась. Служивые расцелись по местам, и машины двинулись в свой скорбный путь.

На окнах, как и положено, были решетки, на стёклах лёд в палец толщиной – ничего нельзя было разглядеть снаружи. Но город был невелик, и Андрей легко угадывал направление движения. Вот выехали на «кольцо», помчались в гору. Потом – плотина ГЭС; скорость была за девяносто – плотину проехали за полторы минуты. Затем поворот налево, хорошо знакомые спуски по улице «Байкальской». Вот уже и «Байкальская» позади, пронеслись улицы «Тимирязева», «Ленина», «Чкалова», и вот уже «Ушаковский мост». «Да мы в тюрьму едем, не иначе! – поразился Андрей. – Неужели меня в СИЗО везут?»

Это было неожиданно, и это обещало серьёзные неприятности. Так и есть – за Ушаковкой свернули направо и через километр остановились. Послышался приглушённый говор, заскрипели железные ворота – машина въехала в тюрьму, построенную ещё в девятнадцатом веке.

Несколько минут Андрей просидел в тишине и неподвижности – пока улаживали какие-то формальности, затем дверца распахнулась.

– Выходи. Руки за спину. Не разговаривать.

Андрей спрыгнул на снег. Заспанный сержант – здоровый, с бычьей шеей – глядел на него с нескрываемой злобой. Этот был из надзирателей. Для него арестант – быдло, грязь. Кто такой Глотов, он не знал.

Андрей не стал спорить. Воевать с официальной властью он не собирался. Наоборот, он всегда помогал поддерживать порядок – тренировал работников правоохранительных органов и частных охранных фирм. Не мог же он теперь калечить своих товарищей.

Заложив руки за спину, он последовал за надзирателем. Сзади пристроился другой надзиратель – посуше и пониже ростом. Они вошли в мрачное каменное здание, в котором во времена оные томились «эсдеки» и «эсэры», ссыльные поляки и прочий ненадёжный элемент; тяжелая дверь захлопнулась у него за спиной.

Впервые в жизни Андрей оказался в тюрьме. Прежде он много слышал об ужасах местного СИЗО, но никак не думал, что придется увидеть их воочию. Пока шли по коридору вдоль грязно-белых стен с облупившейся краской, мимо железных дверей с окнами-бойницами, Андрей пытался сообразить, за что его взяли? За Меченого? Но казалось невероятным, чтобы братва обратилась за помощью к официальным властям. И ведь до чего быстро сгношились! Он хотел спросить об этом сопровождающих, но удержался. Тысячи людей проходят мимо них каждый день, вряд ли их интересует судьба отдельно взятого человека.

Остановились перед железной дверью. Загремели ключи в замке, дверь со скрипом растворилась.

– Вперёд.

Андрей шагнул через порог.

Было уже два часа ночи. Камера вагончиком, шесть метров на двенадцать, набита под завязку. Жёлтая лампочка освещала двухэтажные нары и лежащих на них людей. К удивлению Андрея, обитатели вовсе не походили на арестантов – на всех была нормальная гражданская одежда, обычные причёски и, в общем-то, обыкновенные лица – по крайней мере у тех, кого он успел рассмотреть.

Он сделал шаг и остановился. Проход был занят лежащими телами. На нарах спали по четыре человека – в самых немыслимых позах. Несмотря на зиму, было душно, и ещё отвратительно воняло. Источник этой вони стоял тут же, в углу у входа.

«Что за комедия? – подумал Андрей. – Зачем понадобилось сажать меня в эту вонючую нору?»

– Эй, браток, ложись-ка спать. В ногах правды нет, – сказал кто-то из глубины. Голос был дружелюбный, и Андрей незаметно перевёл дух. Здесь драться не придется – и то хорошо.

Он двинулся между рук, ног и голов – вглубь камеры. Нашёл свободное место в углу и опустился на пол, упершись спиной в бугристую стену. Ноги вытянуть было некуда, и он прижал колени к груди, обхватив их руками, положил голову на предплечья и закрыл глаза. До утра уже ничего не произойдет, а ему следовало отдохнуть. Завтрашний день обещал быть трудным.

Тюрьма просыпается рано – в шесть часов уже захлопали железные двери, загремели шаги в коридоре, заорали надзиратели нарочито грубыми голосами. Начинали шевелиться и обитатели камер. Кому-то по нужде приспичило, кому-то просто не спалось. Андрей через силу открыл глаза. Голова была тяжёлой, ломило суставы. Усилием воли он заставил мысли проясниться и внимательно посмотрел вокруг себя. Обитатели камеры не обращали на него никакого внимания, словно Андрей и раньше тут был, всегда сидел возле стены и стал частью обстановки. Вот один пошёл к параше, за ним другой пристроился. Мелькали заспанные лица, переговаривались вполголоса, глухо. Андрей хотел было встать, но раздумал. Да и зачем? Что бы он стал делать? Но что-то нужно было предпринять. Тюрьма – самое невыгодное для него место. Тут его легче всего достать. А в том, что его будут доставать, сомневаться не приходилось.

Прошёл час. Уже половина обитателей камеры пробудилась. По некоторым репликам Андрей понял – скоро завтрак. И точно: послышался грохот из коридора – по железному полу везли баки с кашей. Арестанты не выказали большого воодушевления, но и не собирались попустить даровой порцией овсянки.

Но не всё спокойно было в этом мирке. И здесь нашёлся тот, кто хотел жить «по понятиям». Это был коротко стриженный, упитанный крепыш. До пояса голый, в мятых пузырящихся на коленях штанах. На плечах и груди синие наколки. На лице отпечатались безмерная наглость, жестокость и полное отсутствие интеллекта. Этого субъекта здесь побаивались, Андрей это заметил.

– Ты кто? – кривой грязный палец поплыл в воздухе и указал на Андрея. Пустые стеклянные глаза, дегенеративная рожа. – Кто такой, я спрашиваю!

– А ты кто? – спросил Андрей, продолжая сидеть.

– А ну встал, быстро! – последовал окрик. – Пока я тебя в парашу головой не опустил!

Мордатый неожиданно толкнул Андрея ногой в грудь, вернее, попытался толкнуть. Андрей остановил ботинок у самого лица и, не вставая, с силой лягнул парня в колено опорной ноги. Нога могла запросто сломаться, но Андрей на первый раз не стал уродовать этого дебила, удар и без того был болезненным. Мордатый сдавленно вскрикнул и повалился на спину, смачно хряснувшись затылком о каменный пол.

Тут же налетели шестерки (откуда что взялось?). Всем им был преподан урок хорошего плотного боя: пара ударов «зуки», пара ударов согнутым локтем, а одного удачно поймал на

колени. Вся камера с изумлением наблюдала эту сцену. Такое они видели только в кино! Хотя было одно существенное отличие: в кино драки длились подолгу, удары сыпались как горох. Здесь же всё началось и кончилось в одну минуту. Каждому досталось по разу, и этого хватило, чтобы успокоиться надолго и всерьёз. Исключение составлял главарь, местный полужнец. «Вот и жалею после этого людей», – подумал Андрей, слушая угрозы мордатого. Мордатый обещал замочить Андрея, говорил, что ему не жить на белом свете, не кушать мяса и не пить водки, не любить женщин, и что напротив – любить будут теперь его – Андрея – такие как он – правильные парни, живущие по понятиям. Но Готов был не из тех, кто прощает оскорбления и угрозы. Мордатый был в его глазах хуже животного. Поэтому, особо не рассусоливая, он шагнул к нему и нанес правой ногой сильный удар в пах. Это было не очень гуманно. Но скольких людей унизило это животное в своей жизни? Способ унижения был слишком очевиден, а угрозы недвусмысленны. Андрей решил сразу это дело прекратить, спасая от этого уroda не только себя, но и будущие жертвы.

Через несколько минут мордатого уволокли за руки надзиратели – он был без сознания, голова его беспомощно болталась. Вслед за ним эвакуировали ещё четверых – при этом кто-то сам ковылял, а кого-то пришлось поддерживать под руки. А ещё через час вывели из камеры Андрея. На этот раз его сопровождали сразу четверо. Утренняя бойня произвела впечатление на местное начальство. Надзиратели выстроились ромбом – один впереди, один сзади и двое по бокам. Андрей только усмехался про себя. Неужели они думают, что четыре человека смогут его остановить? Да будь их сорок четыре – ничего бы они не сделали. Правила ближнего боя диктовали свои условия.

Они прошли гулкими коридорами положенный путь, миновали несколько внутренних решёток и, наконец, приблизились к выходу. Потянуло холодом, воздух посвежел, Андрей расправил плечи и глубоко вздохнул. Он понял, что его увозят из этого гиблого места. Вернуться сюда он не рассчитывал.

Снова полицейский бобик, холодная скамейка, забранное решеткой оледеневшее окно. Ехали минут двадцать. Конечный пункт – знаменитый серый дом на улице Литвинова – областное УВД. Снова остановка перед железными воротами, проверка документов и – въезд во внутренний двор. Тут была своя тюрьма – следственная.

– Следователь по особо важным делам – Баранов Юрий Николаевич!

Из-за стола вышел мужчина лет сорока, среднего роста, коренастый, с крупной головой. Глаза навывкате, нос закруглен. Он протянул руку в знак расположения, которую Андрей спокойно пожал. Потом показал на стул возле стола.

– Садитесь, Андрей Викторович.

Андрей сел, следователь обошел стол и занял место с другой стороны. Они остались одни в кабинете. Это было весьма символично – следователь ему доверял.

– Много слышал про вас хорошего, Андрей Викторович, давно мечтал познакомиться, но не думал, что в такой обстановке придётся, – проговорил внушительно. Заметно было, что это очень серьёзный, уравновешенный человек, не разменивающийся на пустяки.

– Ничего, – сказал Андрей. – Всё нормально. Я вас слушаю.

Следователь положил на стол узловатые кулаки, каждый величиной с блюдце. «Сила есть, – машинально отметил Готов, – в ближнем бою должен быть неплох».

– Такое дело, Андрей Викторович, – усиленно величал следователь подследственного, – заявление на вас поступило. Выдвигаются серьёзные обвинения.

– В чём меня обвиняют?

– Вы человека покалечили. Тяжкие телесные. Проникновение на частную территорию. Мордобой, увечья, огнестрел...

– Вы Меченого имеете в виду?

– Волкова Николая Сергеевича, директора компании «СибТранс», уважаемого в городе человека.

– И что с ним? – спросил Андрей.

– Ничего хорошего. Сломана челюсть в нескольких местах, восемь зубов ему удалили, шины наложили. Сотрясение мозга, психическая травма. Может на всю жизнь остаться инвалидом.

Андрей отвёл взгляд.

– Он моего ученика убил, Колю Гинкулова.

– У вас есть доказательства?

– Я знаю это.

– Знать мало. Вы можете ошибаться.

– Колю убили его люди. Метили в меня, да промахнулись.

– А-а, всё-таки не он, а его люди! – неожиданно обрадовался следователь.

Андрей строго посмотрел на него.

– Вы разве не понимаете, что это одно и то же? И даже ещё хуже! Он чужими руками устраняет неугодных, сам при этом остаётся чистеньким. Ведь так он может дойти неизвестно до чего. Его нужно остановить!

Следователь с полным вниманием выслушал эту тираду. Сцепил руки на столе перед собой и кивнул головой.

– Допустим, что я полностью с вами согласен. Но я ещё раз повторяю свой вопрос: как быть с доказательствами? У нас ведь правовое государство. Мы не можем чинить самосуд.

Андрей отмахнулся.

– Мне достаточно того, что я знаю сам. А остальным до этого нет никакого дела.

– Ошибаетесь! – вдруг воодушевился следователь. – Остальным до этого тоже есть дело! От потерпевшего поступило заявление в прокуратуру, а дальше всё происходит по известной схеме. Не мне вам объяснять. – Следователь вдруг переменялся в лице. – Хотите кофе?

– Чай, если можно, – ответил Андрей.

В углу была раковина, кран с холодной водой. Следователь наполнил чайник «Тефаль», водрузил его на подставку, надавил большим пальцем на синюю выпуклую кнопку. Чайник сразу зашумел, совсем по-домашнему. Вообще, весь разговор вовсе не походил на допрос, каковым он, вероятно, и являлся.

– Так что же мы будем делать, Андрей Викторович? – спросил следователь. Всем видом он выказывал симпатию подследственному, в то же время подчеркивая свою подневольность.

– Не знаю, – пожал плечами Андрей. – Что хотите, то и делайте.

– Отпустить я вас не могу. Мотать вам срок – не хочу. – Он наклонился к столу, заговорил пониженным голосом: – Если бы вы знали, как мне надоела вся эта мразь. Эти меченые, краплёные, белые, черные, конопатые... Я бы их всех давил, но...

– Что?

– Не могу.

– Отчего же?

– Положение не позволяет.

– Кто же тогда будет их давить? – воскликнул Андрей. – Кто, если не вы, не полиция? Или вы ждёте, когда они передавят нас?

– Мы должны соблюдать законы.

– Опять законы, – поморщился Андрей. – А они как, по законам убивают и грабят?

– Нет, не по законам, – с сожалением проговорил следователь.

– То-то и оно.

Чайник уже кипел. Следователь бросил в два стакана по пакетик с чаем, сыпанул сахару с избытком. Через минуту Андрей отхлебывал обжигающий чай из граненого стакана и заку-

сывал мятным печеньем. Он не постеснялся угоститься от следователя, поскольку всё еще считал, что они находятся по одну сторону баррикад.

Они выпили в молчании по стакану, налили по второму. Следователь никуда не торопился и не лез с вопросами. «Хороший мужик, – подумал Глотов, – деликатный, не жлоб, не дурак».

– А вы давно в полиции? – спросил он.

– Пятнадцать лет. После университета как распределился, так до сих пор служу.

– Так вы университет заканчивали? – вскинул брови Андрей.

– Точно! Так же как и вы! – ответил лукаво следователь. – Только вы математический факультет заканчивали, а я прикладную физику.

– Надо же, – присвистнул Андрей. – Тесен мир.

– Не то слово, – подхватил следователь. – Яблоку некуда упасть.

– Это в каком смысле?

– В ньютоновском, – многозначительно молвил следователь.

– Которому по башке прилетело?

– Точно. Ему!

Разговор приобретал игривый характер, никак нельзя было догадаться, что беседуют следователь и преступник, которому светит убойная сто одиннадцатая статья. Андрей отметил про себя это обстоятельство, но разговор решил не прерывать. Следователь гнул какую-то свою линию, а Андрею, по большому счету, было все равно.

– Ещё чаю? – спросил следователь.

– Давайте, отчего не выпить. В изоляторе такой не предлагают.

Следователь пошёл в угол возиться с чайником. Андрей глянул на часы, висевшие на стене. Половина первого была, к обеду дело шло. Ему как-то скучно вдруг стало. Что за пустая болтовня? К чему это всё?

– Так о чём мы говорили? – спросил следователь, поставив перед Андреем дымящийся стакан.

– О яблоке, – сказал Андрей.

Следователь улыбнулся.

– Всем бы так прилетало! Р-р-раз – и мировое открытие. Как думаете?

– Всем не надо, – серьезно ответил Андрей. – Дело ведь не в яблоке, а в голове.

– Это точно!

– Одному гениальная идея после этого придет, а другой возьмет топор и весь сад вырубит.

– Как у Чехова?

– Вроде этого.

– С умным человеком поговорить приятно, – вдруг выдал следователь.

Андрей поморщился. Compliment был слишком банален и неуместен. К тому же, напрашивались странные аналогии – что-то такое говорил Смердяков Ивану Карамазову перед тем, как убить своего нерадивого отца.

– Я не умный, – произнёс Андрей, нахмурившись. – Так, читаю на досуге разные книжки.

– А Ньютон, по-вашему, умный был?

«Дался тебе этот Ньютон», – подумал Андрей.

– Ньютон, скорее всего, был умный. Хотя я лично с ним не знаком. Как-то не пришлось.

Следователь с грустным видом отхлебнул из стакана.

«Черт его знает, что у него на уме?» – снова подумал Андрей.

– Так вы меня отпускать не собираетесь? – неожиданно спросил он.

Следователь задумался.

– Отпустить я вас не могу, не имею права, вы должны это понять. Но и сажать не хочу.

– И что вы мне предлагаете?

- Я предлагаю вам побег.
- Вы – мне? – удивился Андрей.
- А что, у вас есть что-нибудь получше?
- Андрей задумался.
- И как это будет выглядеть?
- Очень просто, – сказал следователь. – Отвезем вас на следственный эксперимент сегодня вечером, а ночью вы уйдете. Вы хорошо знаете Ново-Ленино?
- Неплохо. Жил там одно время.
- Там изолятор есть на улице Баумана. Оттуда вы и уйдете сегодня ночью. А мы пока подумаем, как вам быть дальше. Второй раз попадаться нельзя. Упрячут далеко и надолго. Из камеры вы не выйдете. И карате не поможет. Прирежут во сне – и все дела.
- Андрей поджал губы.
- Я не боюсь.
- Дело не в боязни. Вас прихлопнут, как таракана. Там ведь даже огнестрельное оружие есть.
- Неужели?
- Точно. Умудряются пронести. Им охрана помогает. Адвокаты вносят посильную лепту. Однажды женщина следачка своему подследственному револьвер передала, он потом из этого револьвера троих убил. Никому верить нельзя. За деньги мать родную готовы продать.
- Не все, – заметил Андрей.
- Всех и не надо, достаточно одного, – отозвался следователь. – А один всегда найдется. Помолчали. Следователь внимательно посмотрел на Глотова.
- Так вы согласны?
- С чем?
- Перейти на нелегальное положение? Мы не отдадим вас этой сволочи, – прибавил с чувством.
- Согласен, – ответил Андрей. – У меня ведь нет выбора?
- Выбора действительно нет. Схема предельно проста. Ночью вы уходите из изолятора и исчезаете из города. Это непременно. Мы даём вам три дня, то есть не объявляем в розыск. За это время вы должны уехать как можно дальше. Документами пользоваться нельзя. Я не спрашиваю, куда вы поедете, это ваше дело. Одно могу сказать: полагайтесь на самого себя. Верить нельзя никому.
- Даже вам?
- Мне можно.
- Я имею в виду правоохранительные органы, – уточнил Андрей.
- В органах работают всякие люди, – проговорил следователь и многозначительно посмотрел на часы. – У нас еще уйма времени. Пойдём в столовую или вас прямо сейчас в Ново-Ленино отвезти?
- Как хотите, – ответил Андрей. – А домой мне нельзя заехать?
- Это исключено, – отрезал следователь и вышел из-за стола. – В общем так, вы тут посидите пять минут, я пойду распоряжусь насчет конвоя, и мы вас переправим в ленинский изолятор. Пробудете там до вечера, а ночью вас выведут на прогулку и вы спокойно уйдёте. Сразу уходите из города. На основных магистралях будет полицейский патруль. Постарайтесь его как-нибудь обойти. Есть у вас надежное место?
- Есть. Дальние родственники в Глубокой живут. В Култуке есть хорошие знакомые, в Иркутске один... В Чите племянница живёт, правда, не виделись давно, лет двадцать.
- Следователь задумался.
- Хорошо, – согласился он. – Направление выбрали верное – на восток! В Европе вам делать нечего.

Андрей кивнул. Следователь ещё постоял перед ним, словно хотел еще что-нибудь добавить, но ничего больше не сказал. Повернулся и пошел из кабинета.

Через несколько минут он вернулся, с ним зашел полицейский – молодой парень, долго-вязый и худой.

– Вот, Коля, проводи товарища в нашу столовую, пообедайте там, а затем вернетесь оба сюда. Ясно задание?

– Ясно, товарищ капитан.

– Вперёд!

Андрей поднялся, всё еще не веря.

– Идите-идите, – говорил следователь, – хорошенько подкрепитесь. Там вас кормить не будут! А я пока подготовлю необходимые бумаги.

Андрей вышел вслед за полицейским. Они спустились на первый этаж, где располагалась столовая, встали в очередь. Народу было немного, человек двадцать, половина в штатском, другая половина – в полицейской форме, с красными полосками на синих брюках. Андрей смотрелся здесь почти как свой. Да он и был свой. Точно в таких очередях он стоял в своём клубе на ул. Дзержинского.

Взяли по тарелке борща, рыбу с макаронами, чай и пирожное – Андрей не увлекался чревоугодием. Пообедали быстро и через двадцать минут снова оказались в кабинете на пятом этаже.

Следователь сосредоточенно печатал на машинке. Видно было, что он ненавидел этот древний агрегат всей душой.

– Посидите пока, – бросил Андрею. – А ты, Коля, до четырёх можешь быть свободен. Занимайся своими делами. И зайди к Фомичу, напомни, чтобы к трём часам машину приготовил.

Полицейский ушел. Андрей сел на стул и стал смотреть в окно. Крыши, укрытые снегом, черные трубы нацелились в мутное небо, деревья уныло раскачивали голые ветви. Он чувствовал в душе непонятную тоску. Вроде бы он делает всё правильно, но что-то было не так. Он ни в чем не раскаивался и, если бы пришлось, повторил бы всё снова, хотя и понимал, что это тупик. Он искал выход – и не находил. Арест, побег, жизнь под чужим именем – вот что его ждало. А эти подонки останутся на своих местах. Так же будут диктовать свои законы, и никто их не стронет с места. Даже он этого не смог сделать. Несколько покалеченных бандитов не в счет. Их место займут другие. На месте отрубленной головы тут же вырастает новая. Что же делать?

Следователь с облегчением откинулся на спинку, вытащил отпечатанный лист и с удовольствием перечитал. Видно было, что он доволен собой. Да и чего беспокоиться? Сыт, обут, одет, дома жена с детишками, квартира тёплая, налаженный быт, неплохая зарплата. Кабинет уютный, да ещё с чайником в придачу. За преступниками он не гоняется, жизнью без нужды не рискует. Неплохой, в общем-то, человек, но в смысле борьбы с криминалом – полный нуль. И все они таковы. Потому и живем в дерьме! – закончил свои размышления Андрей. Следователь уже протягивал ему лист, лучезарно улыбаясь.

– Ух, едва осилил! До чего я не люблю эти бумажки... Прочтите, пожалуйста, и распишитесь.

– Что это? – спросил Андрей, принимая бумагу.

– Как что? Протокол допроса! Должен же я отчитаться за сегодняшний день. Всё должно быть сделано по форме. Иначе мне попадет, да и для вас ничего хорошего не будет. Да вы не бойтесь, тут всё как обычно: где родился и крестился, да как зовут. Мы и так всё про вас знаем. Подписывайте!

Андрей взял ручку и пробежал глазами текст.

Всё было указано верно. Имя и фамилия, родился в Иркутске, дата рождения, прописка, сведения об учебе и работе. Значилось несколько вопросов относительно расследуемого дела. На них Андрей отвечал коротко и ясно: не знаю, не видел, не участвовал.

Он положил бумагу на стол и уверенно расписался.

– Вот и отлично, – сказал следователь, беря бумагу. – Отпечатки пальцев снимать не будем. Это от нас не уйдёт! – подмигнул он.

Андрей не разделял его восторга. Что-то капитан беспричинно развеселился. А поначалу был такой серьезный.

– Документы у вас с собой? – спросил следователь.

– Да. Паспорт, военный билет, водительское удостоверение.

– А деньги, деньги есть?

– Есть.

– Сколько?

– Хватит, – ответил Андрей сухо. Он давно уже понял, что счастье и успех не зависят от денег. Напротив, как только начинаешь думать о сбережениях, рассчитывать да прикидывать, так сразу и конец всякому благополучию. Поэтому он с чистой совестью ответил: – Денег мне хватит.

«Хватило бы сил», – добавил про себя.

Ленинский райотдел располагался в каменном двухэтажном здании, окрашенном в мутно-жёлтый цвет. Как и положено, в нём был свой изолятор. Тесный, конечно же, негостеприимный и недружелюбный, но не вечно же в нем сидеть! В четыре часа пополудни Андрей перешагнул порог тесной камеры, и дверь за ним захлопнулась. Он огляделся. Нары двухэтажные, деревянные; стол и табурет привинчены к полу, ржавая раковина с медным краном в углу. Камера пустовала. Андрей шагнул к нарам и лёг на нижнюю полку. Мысли сразу спутались, всё поплыло перед глазами. Не надо бы спать, подумал он, задрёмывая. Ночь предвиделась трудная. К вечеру обещали мороз за сорок. Но мороза Андрей не боялся. Перед мысленным взором вдруг вспыхнуло яркое видение. Снежная пустыня. Снег лежит мягкими волнами, словно застывшее море. И цвета такие необычные – синие, розовые, изумрудные. Солнце встает где-то далеко – огромное, лучистое, жёлтое. Снег вдруг заискрился мириадами маленьких солнц! Так и тянет броситься навстречу этому искрящемуся свету, этой необъятности и свободе! Но очень трудно сдвинуться с места – ноги вязнут в снегу, нет сил сделать хотя бы шаг. Холод сковывает тело. Руки поднимаются навстречу льющимся потокам, словно желая ухватиться за упругие лучи. Тело наклоняется вперед, с трудом удаётся освободить правую ногу и поставить её впереди себя. Ещё наклон – и новый шаг. Все ближе солнце, всё горячей лучи. Равнина бесконечна, горизонт недостижим, снежные волны убегают вдаль. Андрей всё шагает, шаг за шагом, толкая землю от себя, проворачивая под собой бесконечную снежную равнину...

Он вдруг очнулся и рывком сел на скамье. В камере горел свет, а за окном уже была ночь. На стекле образовалась ледяная корка в палец толщиной, по цементному полу остро тянуло холодком. Андрей задумчиво посмотрел на свои кроссовки, в которых ходил в любую погоду. Лёгкая куртка и спортивная шапочка дополняли наряд коренного сибиряка. Был ещё, правда, свитер – тёплый, шерстяной, но не было перчаток. «Придётся бежать всю дорогу, – решил он. – Главное, лёгкие не застудить».

Одно время Андрей бегал каждый день десятикилометровые кроссы. Случалось, что и в сорокаградусный мороз приходилось бежать – и ничего, никаких последствий. Мороз бодрит. Он как наркотик! Пробежишь утром по морозцу, потом весь день необычайный прилив сил и такая радость, будто с того света вернулся. Правда, было это давненько... Андрей жил тогда в Ново-Ленино, бегал мимо этого самого изолятора. Истоптал всю округу и знал такие тропки, про которые не всякий старожил вспомнит. Это упрощало его задачу. Он уже знал, в какую сторону будет уходить. Сначала до Максимовщины – через поля и перелески, мимо

садоводства, мимо огромного кладбища, мимо печально знаменитого села Мамоны, на которое в девяносто шестом рухнул Ту-154 со всеми пассажирами – километров десять будет. И никаких полицейских постов, попутных машин и встречных автобусов. На краю Максимовщины, на высоком берегу Иркутка стоял дом, в котором он недавно пировал с другом детства. Как вовремя тогда подвернулся ему Юрий! Он и теперь ему поможет. Главное, застать его дома. И ещё – нужно дойти! Десять, а может, и все пятнадцать километров по рыхлому снегу, в лютый мороз – на это часа два уйдет, не меньше! Потом Андрей уйдет в Шаманку – а это ещё добрых полсотни километров. Ни в Таёжную, ни в Северобайкальск он не пойдёт. Следовательно он намеренно соврал о своих намерениях – по какому-то безотчетному чувству.

Андрей подошел к окну и взялся за ледяные прутья арматуры. Подумал, что мог бы раскочкать решётку и выдрать из осыпающейся стены. За час управился бы. Но это ни к чему. Ведь его обещали отпустить! Хотя странно это. Вспоминая разговор с Барановым, Андрей чувствовал смутную тревогу. Внутренний голос подсказывал: что-то тут не так. Какая-то ошибка вплелась в рассуждения капитана, но в чём она?

Заскрежетал замок, и дверь распахнулась. На пороге стоял паренёк, лет двадцати, невысокий, с затравленным взглядом, под глазами синие мешки. «Наркоман», – сразу определил Андрей.

– Вперёд пошёл!

Парня сзади толкнули, и он почти вбежал в камеру. Дверь сразу закрылась. Парень испуганно огляделся, но увидев Андрея, спокойно сидевшего на нарах, сразу успокоился. Молча сел на табурет и опустил голову.

– Что, плохо тебе? – спросил Андрей.

Тот даже не повернул головы. Руки его заметно дрожали, голова клонилась всё ниже.

– Тебя как зовут? – спросил Андрей.

– Юра, – сказал тот глухо.

– А за что взяли?

– В квартиру залез.

– И где же?

– Да тут недалеко, на Баумана.

– А сам откуда?

– Из Шелехова.

Андрей удивился.

– И как тебя занесло в такую даль?

Парень не ответил, но всё было и так ясно. Воровать в своем городе стало опасно. Стал ездить с друзьями в соседние города и посёлки. Обчистили квартиру и смылись – потом ищи ветра в поле. Задумано неплохо, а исполнено – так себе.

Андрей прошёлся по камере. Парню становилось всё хуже. Дрожь заметно усилилась. Требовалась очередная доза, вместо этого он угодил в изолятор. Теперь долго колоться не будет. И неизвестно ещё, как ломку выдюжит. Может и копыта отбросить – дело нехитрое.

– Давно колешься? – спросил Андрей.

– Пять лет, – ответил парень, неотрывно глядя в пол.

– А тебе сколько?

– Двадцать четыре.

Андрей покачал головой. Впалая грудь, жидкие плечи, сам сутулый, бледный – лет восемнадцать можно дать, не больше. Не останови его сейчас, к тридцати годам в могилу ляжет. Хорошо, что его взяли. Посидит года три, глядишь, снова человеком станет. Хотя человеком – вряд ли, но жить, по крайней мере, будет. Мелькнула мысль взять парня с собой, увести его от тюрьмы и от наркотиков. Но поразмыслив, решил не делать этого.

«Тюрьма для него сейчас – как больница. Да и не пройдёт он по целику десять километров. И одного километра не пройдёт – очокурится посреди поля, ещё и отвечать за него придётся».

Парень дрожал всё сильнее. Обхватил живот руками и сложился пополам. Плечи ходили ходуном.

Андрей подошел к двери и громко постучал кулаком.

– Чего нужно? – крикнули из коридора.

– Тут человеку плохо, – сказал Андрей, – ему врач нужен.

– Дубина ему нужна, а не врач, – последовал ответ. – Вот мы его сейчас полечим!

Андрей наполнил холодной водой кружку и протянул парню:

– Выпей, легче станет.

Парень повернул позеленевшее лицо, как бы с интересом посмотрел на Андрея и отвернулся.

– Не надо. Вырвет.

Андрей лёг на нары, закрыл глаза.

Прошёл еще час. Уже наступила настоящая ночь. Шум на улице стих, здание райотдела опустело – сотрудники сидели дома перед телевизорами, смотрели идиотские сериалы, воспитывали детей, ковыряли вилками в зубах, любили жён... Нормальная жизнь провинциального городка. Сто лет пройдёт – будет то же самое.

Несчастный парень теперь уже лежал на полу, свернувшись калачиком, обхватив голову руками, словно защищаясь от ударов. В такой позе умирали люди со вспоротыми животами. Но у этого живот был целёхонек. Андрей поднялся с нар, хотел подойти к парню, но в этот момент в дверях снова заскрежетал замок.

– Глотов, на выход!

Андрей одёрнул куртку, сунул в карман спортивную шапочку и, глянув на скрюченное тело на полу, шагнул к выходу.

– Вызовите врача, – сказал полицейскому. – Он умереть может.

– Не разговаривать, руки за спину, прямо пошёл!

Они миновали короткий коридор, прошли мимо вахты, на которой никого не было и – напрямиком к выходу.

Полицейский отодвинул засов и повернулся к Андрею.

– Ударь меня, только не сильно. А потом иди, – он кивнул на дверь.

– А так просто нельзя уйти?

– Мне нужно алиби. Стукни меня по лицу, чтоб видно было, будто я сопротивлялся.

– Тебе больно будет.

– Ничего, я потерплю.

Андрей поднял руку и медленно опустил.

– Не могу. Так просто не могу ударить.

Полицейский толкнул дверь наружу.

– Ну ладно, топай...

Андрей сделал пару шагов и услышал за спиной звук передергиваемого затвора. Резко повернулся – в руке полицейского был пистолет, он целился ему в грудь и безмятежно улыбался.

– При попытке к бегству, – проговорил он и нажал на курок.

Звук выстрела Андрей услышал уже с земли. Полицейский, недоумевая, смотрел перед собой: только что там стоял человек. Лёжа на спине, Андрей широким махом вынес из-под мента ноги, и тот рухнул всем весом на каменные ступеньки. Перекатившись через спину, Андрей ударил его сверху ребром ладони по шее и тут же вскочил на ноги. Полицейский зашёлся в кашле – удар был не слишком силен, не такой, после которого ломаются хрящи.

Андрей втащил его за плечи внутрь, сунул себе в карман пистолет и вышел на улицу, аккуратно затворив дверь. Через несколько минут полицейский придёт в себя и поднимет тревогу, но это уже не страшно. Главное, что они оба остались живы.

Не чувствуя под собой ног, Андрей побежал между призрачно белеющими пятиэтажками к пустырю. Нужно было как можно скорее уйти с центральных улиц. То, что полицейский хотел его застрелить, казалось невероятным, и в то же время Андрей не очень-то удивился. Что-то подобное он ожидал. Но всё это после. Он потом он во всём разберется.

Через минуту он пересек улицу Баумана – пустынную в этот час – и побежал по заснеженной тропинке через огромный пустырь по направлению к объездной дороге. Мороз был нешуточный. Сорок градусов даже для Сибири было многовато. Фонари на столбах были окружены искрящимся нимбом. Ледяной воздух обжигал лёгкие, дышать было трудно, каждый вдох отдавался давящей болью где-то под лопатками. Щёки горели, глаза слезились. Андрей перешёл на быстрый шаг. Ему нельзя теперь болеть. Лечить будет некому.

Он посмотрел на часы – прошло четыре минуты. Полицейский уже пришёл в себя. «Зачем же он стрелял? Да так неловко. А может, не хотел убивать? Нет, хотел. Это видно было по лицу, по ухмылке. Да и стрелял в упор, прямо в грудь. Даже не по ногам целился! Интересно, как бы он потом объяснил тот факт, что пуля попала беглецу в грудь, а не в спину? Пришлось бы уже после делать дополнительные выстрелы в спину, затем втаскивать тело в помещение, изображать следы нападения и борьбы. Не случайно он просил, чтобы Андрей его ударил. Что же, он получил то, что хотел».

Вот и пустырь позади. Андрей миновал обширный больничный комплекс, расположенный на самом краю города, и остановился. Предстояло пересечь объездную дорогу – последний рубеж, за которым начинались загородные садоводства и кооперативные гаражи. По объездной дороге даже в этот поздний час плотным потоком катились машины. Трудно пересечь её незамеченным. Это не Москва, тут нет подземных тоннелей. С другой стороны тракта тянулся многокилометровый деревянный забор – не всякий тут найдёт сквозной проход. Однако Андрей уже наметил дальнейший путь.

Прошло ещё четыре минуты. Полиция уже была на ногах. По центральным улицам микрорайона несутся полосатые «бобики» и с минуты на минуту будут и здесь. Андрей увидел вдруг старика, тот вез на тележке какой-то мешок, с трудом одолевая насыпь, и собирался переезжать через дорогу. Андрей бросился к нему.

– Давайте я вам помогу. А то ведь сшибут, вишь как летят! – сказал он.

– Не говори, – отозвался дед. – Десять лет назад такое тихое место было, никого тут не было! А теперь что сотворили? Построили эту холеру, ни сна людям, ни отдыха.

Андрей взялся за мешок двумя руками.

– Да зачем ты, на тележке-то сподручнее! – спохватился дед.

– Ничего, мне так удобнее! Идите за мной, не отставайте, а то сшибут.

Быстрым шагом они перешли на другую сторону шестиполосного тракта, но Андрей и не думал бросать мешок. Старик едва поспевал за ним. Через пятьдесят метров, когда их было уже не видать, Андрей скинул мешок на снег.

– Куда вам?

Старик, тяжело дыша, остановился рядом.

– Так вот же, – показал на светящиеся окна сторожки. – Дежурю я тут. Вышел на полчаса, решил картошки привезти из дома, а сам боюсь, как бы чего не вышло.

Андрей помог ему докатить тележку до избушки.

– Заходи, погреешься, – предложил дед, – чайку сварганим. У меня хороший чаёк – индийский!

– Да нет, спасибо. Я в гараж за машиной тороплюсь. Тёща приболела, нужно в больницу отвезти.

– А чего «скорую» не вызвал? – удивился дед.

– Разве я могу кому-то доверить такое сокровище? – улыбнулся Андрей.

Дед захохотал в бороду.

– Ну так ты тово, не мешкай. А то помрет твоя тёшша! Будешь потом локти кусать.

Андрей уже шагал вверх по дороге между бетонными плитами, поставленными вместо ограждения. Дальше и в самом деле располагался гаражный кооператив – подозрений у деда возникнуть не могло. А ещё дальше – садоводство, за садоводством – чистое поле. Там уж его точно искать не станут! Ночью, да в такой мороз, только идиот пойдёт в эти бескрайние пространства.

Через минуту Андрей прошёл мимо ещё одной сторожки с полосатым шлагбаумом. А ещё через сто метров увидел забор, за которым располагался дачный кооператив. Дружно взиали собаки. Это было некстати, но ничего другого не оставалось, как пойти прямо на этот лай. Два барбоса сидели на заиндевевшей цепи и поджимали лапы, то левую, то правую. «И охота им в такой мороз из будки вылезать?» – подумал Андрей. Мороз и в самом деле был нешуточный. Пальцев рук Андрей уже не чувствовал, вместо носа у него была сосулька, а лицо горело и казалось чужим. Свитер пока ещё грел, но ноги отчаянно мёрзли. Валенки теперь были бы в самый раз. Андрей снова побежал, но сразу заболела грудь, лёгкие не успевали прогреть студёный воздух. Какая-то злая сила железным обручем сдавливала тело, не позволяя сделать глубокий вдох.

По обеим сторонам жутко темнели дачные домики. Недолго поколебавшись, Андрей свернул к одному, прошел по заснеженной тропинке на террасу, взошёл по деревянным ступенькам и дернул дверь. Жиденький замочек болтался на двух петлях. Андрей двинул дверь ногой, и та слетела с шарниров, грохнулась внутрь. Электричества, конечно же, не было. Андрей пошарил на вешалке – там висела какая-то одежда. Халат, штормовка, телогрейка... В кармане телогрейки оказались верхонки – почти новые, утепленные. «И то дело!» – подумал Андрей. Телогрейку попробовал натянуть на куртку, но та оказалась мала. Шарф бы не помешал – но откуда в летнем дачном домике шарф?

На кухне нашёл прошлогодние спички и огарок свечи – это тоже не помешает. На ноги бы натянуть что-нибудь потеплее – да ничего не подвернулось в темноте. Андрей вышел на улицу и стал подниматься в гору. Это был затяжной подъём. На самой макушке горы садоводство закончилось. Дальше пошли пустые пространства – спуск по заснеженной дороге, затем новый подъем – так до самой Максимовщины. Можно было взять влево, выйти на Мамоны и далее двигаться по асфальтовому шоссе, это было рискованно, но заметно облегчало задачу. Поколебавшись, Андрей решил рискнуть. Сразу за садоводством повернул влево и побежал вдоль покосившегося забора из чёрных досок. Бежать было тяжело, ноги вязли в рыхлом снегу. Здесь была просёлочная дорога, но зимой по ней никто не ездил, и дорогу замело. До Мамон было километра два, и нужно было терпеть – во что бы то ни стало! В эти минуты решалась его судьба. Если он сумеет выбраться из города – тогда всё будет нормально. А если его возьмут в эту ночь – тогда ничего нормального уже не будет. Тогда всё будет плохо. Тогда вообще уже ничего не будет.

Терпение... – эту науку он превзошёл в совершенстве! Когда тренировался до седьмого пота, когда отжимался на кулаках по двести раз кряду, когда подтягивался на перекладине длинными сериями по двадцать пять подтягиваний с минутным отдыхом, и когда бегал кроссы в таком темпе, что легкоатлеты крутили пальцем у виска...

Но вот и садоводство закончилось. Дорога пошла под уклон и стала забирать вправо длинной пологой дугой. Бежать стало легче, и мороз уже не так донимал. Дыхание сделалось глубже и ровней – тренированный организм сумел приспособиться к нагрузке, сердце тяжело стучало, гнало густеющую кровь по жилам, работая на пределе возможностей. Андрей обостренным чутьём опытного спортсмена понимал, что организм работает на пределе. Глав-

ное, теперь не переборщить. Он уже не чувствовал ни боли, ни усталости – и этому было своё объяснение: организм вбрасывал в кровь эндорфины, которые глушили боль, но тем и были опасны. Марафонцы, падающие замертво после забега, запаленные лошади, для которых жизнь закончилась вместе с забегом, – всех их сгубили эти самые гормоны, о которых нормальный человек почти ничего не знает. «Спокойно, – твердил себе Андрей. – Ногу ставим аккуратно, падать в снег необязательно; бежим ровно – всё вниз и вправо – потом мимо кладбища и мимо сопки, потом подъём и спуск, и вот тебе Мамоны! А там уже совсем просто. По асфальтовой дороге он полетит, как на крыльях! Сугробы, вот что самое страшное. Как здорово бежать по ровной чистой дороге! Только бы не было этого проклятого снега...»

Андрей вдруг притормозил. Он почувствовал, что задыхается, и невольно перешёл на шаг. Метров сто он шёл ходко, успокаивая дыхание и наводя ясность в мыслях, а потом снова перешёл на бег. Садоводства было уже не видно. Слева и спереди темнела гора, на той горе стояли в тишине памятники – огромное кладбище тянулось на несколько километров. Спали вечным сном тысячи людей, для которых всё было кончено в этом мире. Все тревоги, вся суета, радости и волнения – всё осталось позади. «Как хорошо! – думал Андрей, глядя на гору помутившимся взором, – лежат себе, отдыхают. Я бы тоже прилег на пару лет. Да уж недолго осталось!» – подумал с неожиданным удовольствием.

Снег, против ожидания, становился всё глубже. Кладбище осталось позади, пора было сворачивать влево – но дороги под толстым снегом было не видно. Идти напрямик – по пояс утонешь. А до села уже близко, не больше километра. Но как пройти этот километр в сыпучем снегу? И останавливаться нельзя. Снег набился в кроссовки и понемногу таял, чтобы тут же превратиться в лёд. Можно запросто остаться без ног. Андрей раздумывал недолго. Как и всегда, в отчаянной ситуации он действовал решительно. Не разбирая пути, резко повернул влево под прямым углом и стал энергично шагать в гору. Иногда принимался бежать, если это можно было назвать бегом, но через несколько судорожных прыжков снова переходил на шаг.

Взобравшись на макушку сопки, увидел с правой стороны темнеющие дома, а слева – объездную дорогу, даже сейчас она не была свободна от машин. Прямо перед ним на десятки километров расстилалась пойма Иркуты, вдали угадывалась Кайская гора – это уже был город. Андрей взял чуть правее и ринулся крупными прыжками под уклон. Всё было тихо и спокойно, никто не гнался за ним, и странным мог бы показаться этот бег стороннему наблюдателю. Но Андрей знал, что за внешним спокойствием часто скрывается ураган. Так за ясными чертами иного лица ни за что не угадаешь бушевавшие человека страсти.

Проклятая снежная целина наконец закончилась, Андрей почти с наслаждением ступил на твердый асфальт, пробежал несколько шагов и остановился. Он оглянулся и увидел позади цепочку следов, исчезающих в темноте. «Хорошо бы снег пошел, следы бы замело, да и мороз сразу же спадёт»... Он поёжился. Ступней он уже не чувствовал. Попробовал пошевелить пальцами в кроссовках – бесполезно, пальцев у него не было. Он быстро сел на асфальт, стянул с ног кроссовки. Энергично растер пальцы, пока не почувствовал боль в ступнях, затем вытряхнул снег из обеих кроссовок и быстро натянул на ноги и туго затянул шнурки. Кровообращение немного усилилось, пальцы покалывало острыми иглами. Но всё это ненадолго – Андрей это понимал. Он глубоко вздохнул и побежал по дороге под уклон – мимо тёмных барачков, мимо кирпичных коттеджей, что уже успели понастроить местные воротилы, всё дальше и дальше, уходя прочь от города. Он бежал очень быстро, со свистом втягивая в себя ледяной воздух, временами впадая в забытьё. Какие-то виденья носились перед ним, о чём-то думалось, а тела он вовсе не чувствовал, и усталость словно испарилась. Напротив, всё легче становилось, всё свободнее, и странным ему казалось, что мимо проплывают какие-то виды, и он куда-то движется, вовсе не прилагая к этому усилий. Ноги сами несли его, и мысли были не его, это кто-то другой думал за него и смотрел по сторонам. Остатками сознания он понимал, что организм вбрасывает в кровь наркотик, экстремальная ситуация заставляет организм работать

на износ. Кажется, всю ночь он бы так бежал и бежал, и никогда бы не кончалась дорога, и вечно был бы молод и силён.

Село осталось далеко позади. По обеим сторонам тянулась заснеженная степь. Уныло и дико было всего в каких-нибудь пяти километрах от города. Казалось, нет ничего и никого в целом мире, а только эта призрачная степь и чёрная дорога, уходящая в бесконечность. Ноги стали тяжелеть, уже не было прежней легкости. Вернулось ощущение холода. «А ну как Юрки не окажется дома? – мелькнула мысль. – К чёрту всё! Лучше не думать. А мороз-то, мороз! И ведь надо было чтобы именно в эту ночь так всё сошлось». Он вспомнил про спички в кармане. Можно было остановиться и развести костёр. Но это уже было ни к чему – за следующим поворотом показалась деревенька с кривыми улочками и приземистыми домиками, утонувшими в сугробах. Чуть дальше на возвышенности стояли рядом кирпичные дома. До них рукой было подать. Андрей влетел на тёмную улицу, взлаяли собаки во дворах, но свет нигде не зажётся, никто не вышел на крыльцо посмотреть, кто это там шарашится в такую лють. Несколько поворотов, короткий взгорок, и вот он уже почти на месте. Ноги сами собой перешли на шаг. Потянулся высокий кирпичный забор. Андрей миновал три дома и остановился перед знакомой металлической дверью. Здесь он был в прошлый раз – это он хорошо запомнил. На кирпичном столбике прилепился заиндевший звонок. Андрей поднял руку и надавил на чёрную кнопку.

Прошла минута, вспыхнул свет на веранде, открылась дверь.

– Кого там чёрт принес? – крикнул мужской голос.

Андрей откашлялся.

– Мне Юрий нужен. Дома он?

– А кто спрашивает?

– Друг его, Андрей. Я тут был недавно.

Дверь закрылась. Прошло несколько томительных минут. Андрей с тоской огляделся – идти было некуда. Да и сил уже не оставалось. В этот момент послышалась тяжёлая поступь. Дверь раскрылась: Юрий, в мохнатом длинном тулупе и в тапочках, смотрел на него с изумлением.

– Андрюха, ты, что ли?

– Я. Можно к тебе?

– Конечно. Да ты весь поморозился! – воскликнул, вглядываясь в лицо. – Во даёт! Ты что, от самого города пешком шлёпал, или тебя кто подвёз?

Они уже шли к дому.

– Сейчас расскажу. Отогреюсь только, – с трудом проговорил Андрей. – Я к тебе ненадолго.

– А вот мы сейчас коньячку с тобой выпьем, в самый раз будет! Рыбкой закусим. У меня балычок вчера нарисовался – пальчики оближешь!

От одной мысли о коньяке на душе у Андрея потеплело.

Они вошли в прихожую, в лицо пахнуло тёплым воздухом. Андрей почти без сил опустился на стул, с трудом стянул кроссовки с онемевших ног.

Юрий встал над ним, лицо его сделалось озабоченным.

– В бане бы тебя погреть, да нельзя с мороза, кондрат может хватить! Пойдем лучше наверх, посидишь в тепле, пока кровообращение не восстановится. Ты потри ступни руками-то, а то без копыт останешься. Чем потом будешь врагов топтать?

Андрей не без труда стянул насквозь мокрые носки и стал усиленно растирать ступни. Пальцы сразу закололо, загло. Но он уже видел, что ноги спасены. Оставалось спасти лёгкие.

Юрий принёс шерстяные носки.

– На вот, надень. Это мне одна старушка подарила, царство ей небесное.

Через минуту они поднялись наверх, в уже знакомую гостиную. На столе стояли закуски – помощницы даром времени не теряли.

Юрий наполнил фужер до краёв и подал другу:

– Выпей с устатку. Настоящий коньяк, пятизвёздочный. Дерьма не держим.

Андрей взял бокал, чуть помедлил.

– Сколько сейчас времени?

– Половина четвертого. На улице минус сорок четыре. Устраивает?

– Устраивает, – сказал Андрей и сделал большой глоток. В груди прокатилась обжигающая волна, словно раскаленным металлом опалило, и сразу затуманилось в голове, зашумело. Он почувствовал невероятную усталость и опустился в мягкое кресло. В камине жарко пылал огонь, весело потрескивали берёзовые поленья, искры с треском разлетались в разные стороны – и так ему сделалось хорошо и покойно, что не высказать! Он закрыл глаза и с пугающей отчётливостью увидел чёрную дорогу, несущуюся под ним, увидел заснеженные поля и жуткое небо над ними. Озноб пробежал по телу, Андрей потряс головой – и видение растаяло. Он снова сидел в тёплой комнате, в руке его покоился бокал с дорогим армянским коньяком, а в двух метрах жарко пылал камин, выбрасывая красные искры прямо на ковёр.

– Да ты закусывай, не тушуйся! Ешь от пуза! – Юрий подал ему тарелку с мясной нарезкой. – Не стесняйся. Всё равно пропадает. Есть-то некому! В меня уже не лезет.

Андрей почувствовал голод и вспомнил, что в последний раз он ел в ментовской столовой. Казалось, что с той поры минула вечность.

Несколько минут прошло в молчании. Юрий не приставал с вопросами, и Андрей мог спокойно разобраться с закусками. Он уже отогрелся, ноги обрели чувствительность, и можно было решить, что не было этой сумасшедшей ночи, не было жуткого бега по оледеневшей дороге, и не было ареста среди ночи в чужой квартире; что не уезжал он из этого дома несколько дней назад, а они всё сидят с другом детства в уютной комнате, так же горит огонь в камине, те же резные двери отзываются багровыми всполохами и та же ночь за окном. Андрей закрыл глаза и словно бы поплыл, закачался на медленной волне. Приятная тяжесть разливалась по телу, мысли путались, неудержимо клонило в сон. Но спать было нельзя. Андрей вздохнул и выпрямился. Юрий сбоку пристально смотрел на него. Андрей понял, что он ждёт объяснений.

– Меня вчера арестовали, – сказал он. – Взяли на съёмной квартире.

– Про это я уже знаю, – ответил с усмешкой Юрий. – Ты лучше расскажи, как ты сумел уйти. Тебя же на Литвинова увезли. Или они тебя отпустили?

Андрей пожал плечами.

– Я и сам понять не могу. Следователь сказал, что мне дадут уйти из Ленинского изолятора. А там, когда повели на выход, мент вдруг пальнул в меня из макарова.

Глаза у Юрия округлились.

– Чего вдруг?

– А я почём знаю? Но он мне в грудь целился. Убил бы при попытке к бегству, и все дела. Я ведь уже на крыльце стоял.

– Я что-то не врубаюсь, – отозвался Юрий. – Они что там, совсем уже офигели? Зачем им тебя убивать?

– Я тоже ничего не понимаю. Видно, кто-то очень хочет моей смерти.

Юрий задумался.

– Меченого в городе нет, я точно знаю.

– А где он?

– В Питер на самолёте отправили. У него там связи какие-то, в больничку его устроят, лепилы местные подлечат как следует. Ловко ты его отделал! Его никто так не охаживал. Надолго запомнит.

– Пусть скажет спасибо, что я его не пришиб. И если тебе это интересно, меня взяли по его наводке.

– Ты уверен? – встрепенулся Юрий.

– Мне следак сам сказал.

– Вот сука! – вырвалось у Юрия. – Я давно подозревал, что у него свои люди в ментовке. Он им прилично отстегивает, а они его прикрывают. Если тебя сегодня пытались убить – это его рук дело. Точно говорю.

– Да меня кто угодно мог заказать, – возразил Андрей.

– Да ты сам подумай, кому это нужно? – воскликнул Юрий. – Ведь это же не рядового гражданина прикончить. Тут миллионами пахнет!

Андрей махнул рукой и отвернулся.

Юрий всё не мог успокоиться.

– Вот и делай после этого людям добро! Вот я никому добра не делаю, а наоборот, столько народу обидел, что самому страшно иногда делается. И ничего – никто на меня не покушается. Потому что боятся.

Андрей промолчал. Он думал о своём.

– В общем, так, – сказал, поднимаясь. – Мне надо уезжать из города. Поможешь?

– Какой разговор? Утром увезу тебя, куда скажешь.

– Нет, я сам уеду. Прямо сейчас. Дай мне машину, какую не жалко. Не хочу никого в это дело впутывать. И тебе меньше головной боли.

Юрий тяжело вздохнул.

– Куда ты поедешь в таком виде? Тебя на первом же посту остановят.

– Не остановят. Есть у меня один план. Извини, сказать не могу.

– Да я и не спрашиваю, не любопытный, – согласился Юрий. – А машину я тебе дам. Стоит у меня в гараже драндулет, конфисковал у одного деятеля. «Ниссан-марч» называется. Ты еще такого чуда не видел. Литровый двигатель, турбинка есть – маленькая такая, но очень шустрая. Летает – только шум стоит! Ты смотри, поосторожнее с ней. В баке двадцать литров. Коробка – автомат, правый руль. Расход пять литров на сотню. Пойдет?

– Мне всё пойдет, хоть бы и «запорожец».

– Ну и лады! Давай выпьем ещё по одной. Не чаял я тебя увидеть. Но рад, честное слово! И вот ещё что. – Он поставил бокал и полез во внутренний карман, вытащил пачку зеленых банкнот. Бросил широким жестом на стол.

– Десять штук! И не вздумай отказываться. Если не возьмешь, кровно обидишь. Мне это ничего не стоит, а тебе пригодится. – Посмотрел на Андрея с сомнением. – Берёшь?

– Беру! – Андрей неторопливо взял пачку. Банкноты были новые, похрустывали в руках. Повертел в пальцах и сунул в карман брюк.

– Вот и славно! Выпьем на дорожку! – Юрий наполнил бокалы. – За удачу!

Андрей взял бокал за длинную ножку и радостно воскликнул:

– No Pasaran!

Юрий едва не поперхнулся.

– Я тебе всё верну, – пробубнил Андрей, закусывая.

– Чего вернёшь? – спросил Юрий, откашливаясь.

– Доллары, баксы, зелень.

– Вот чудак! Они мне не нужны. Я бы тебе десять таких пачек дал, так ты же не возьмешь. Не возьмешь ведь?

– Не возьму.

Юрий хитро улыбнулся.

– А почему, собственно? Я, знаешь ли, всё могу понять, а вот этого никак не пойму: как можно от денег отказываться. Как от водки можно отказаться, от бабы красивой. Ну? Объясни!

Андрей отвёл взгляд.

– Тут, Юра, не всё так просто. Ты читал сказку о рыбаке и рыбке?

– Это про дырявое корыто?

– Про старуху, которой всё мало было.

– Читал в детстве, и что?

– А то, что человеку, сколько ни дай, ему всё мало будет! Чем больше даёшь, тем больше он требует.

– Это точно, – с удовольствием подхватил Юрий. Видно было, что столь учёный разговор ему очень нравится – этакое высокое направление. А то всё одно по одному: разборки, делёжка баксов, стрелки, марафет, бабы...

– Так вот я и решил, давно уже решил, – серьёзно проговорил Андрей и посмотрел другу в глаза, – что не в деньгах счастье. Не нужны человеку деньги! Один вред от них.

Юрий крякнул от удовольствия.

– Вот это молодец! Эт-то ты здорово придумал. Не нужны деньги и точка! Ну их к такой-то матери! – Он вдруг сделал хитрое лицо. – А вот представь: пошёл ты, скажем, в магазин, колбаски там прикупить, водочки взять чинарик – шасьт в карман, а там пусто. Дырка в кармане. Или классную тёлку в ресторан удумал затащить. А расплачиваться-то и нечем. Что ты на это скажешь?

– В рестораны я не хожу. А если есть нечего будет, лягу спать голодным. Мне не привыкать.

– А как жена, детишки? Детей кормить надо, одевать, воспитывать!

– У меня нет жены, и детей тоже нет.

– А кабы были, что б ты делал?

Андрей улыбнулся.

– Ты меня понял слишком буквально. Я не про то сказал, что деньги вообще не нужны. Нужны, конечно, как без них. Но я имел в виду другое: что денег не должно быть много. Лишнего мне не нужно. Человек не должен мечтать о деньгах. Не в деньгах счастье.

– А в их количестве! – закончил Юрий и захохотал. Андрей понял, что все его слова напрасны. Да и, в конце концов, Юрий был по-своему прав. Одни живут за счет других – таков закон природы, каждый хапает себе, сколько может! Жуки едят червяков, птицы глотают жуков, звери жрут птиц и друг друга, ну а человек хватает всех подряд, не исключая и себе подобных. Борьба всеобщая и беспощадная без всяких признаков морали. Мораль придумал сам человек – для удобства, для успокоения совести. Мораль есть форма приспособления к окружающему миру! – Андрея поразила эта незатейливая и, в общем-то, не новая мысль.

А Юрий всё хохотал, всё радовался своей шутке.

– Возможно, что ты и прав, – проговорил Андрей серьёзно.

– В чем прав? – удивился Юрий.

– Во всём!

– Э-э, не говори ерунды. Ни в чём я не прав. Я живу как свинья. Давлю всех, кто мне мешает, а когда-нибудь меня самого раздавят, и я издохну. Поэтому и тороплюсь урвать у жизни побольше. Откуда я знаю, что со мной завтра будет? Ладно, хватит об этом. Потрепались, и будет! – Он сделался вдруг серьёзным. – А ты молодец. Оставайся всегда таким. Я часто о тебе вспоминаю, что вот есть же такой человек, который может бить и убивать, может жить припеваючи – но не живет. Не бьет и не убивает. А почему? Да просто потому, что он – человек! А я – свинья. Выпьем, Андрюха, за тебя!

Андрей сидел, опустив голову.

– Что, спать хочешь? А ну-ка, – он свистнул, хлопнул в ладоши, и в комнату вошла уже знакомая Андрею девица в короткой юбке. – Спальня готова для гостя?

– Готова.

– Молодец ты у меня. Ну всё, ступай.

Девица вышла.

Андрей не без труда поднялся. Пол покачивался у него под ногами, тело казалось чужим.

– Ладно, посплю часика три, – сказал тяжелеющим языком. – Только скажи им, пусть меня разбудят, обязательно, слышишь?

– Хорошо-хорошо. Ровно через три часа. Сейчас четыре, значит, в семь часов тебя поднимем. Ещё темно будет, теперь поздно светает.

Юрий взял его за локоть, и они вдвоём вышли в коридор. Покачиваясь, двинулись вдоль плавно закругляющейся стены. Через несколько метров остановились перед дверью.

– Вот твои апартаменты, отдыхай!

Пожали друг другу руки, и Андрей вошёл в спальню. Мигом разделся и повалился в кровать. Необыкновенное блаженство охватило его. Глаза закрылись, и его сразу понесло, словно он скользил на крутой высокой волне. Кровать всё норовила вывернуться из-под него, но он крепко за нее держался и, несмотря на сильную качку, за все время ни разу не свалился на пол.

Три часа пролетели незаметно. Кажется, только закрыл глаза и провалился в спасительный сон – и уже надо подниматься.

Андрея тормошили за плечо.

– Просыпайтесь, ну же, вставайте, вы меня слышите?

Андрей с трудом разъял отяжелевшие веки и увидел склонившуюся над ним девушку. Она озабоченно заглядывала ему в глаза и часто моргала длинными изогнутыми ресницами.

– Юрий Анатольевич велел разбудить вас ровно в семь. Я всю ночь из-за вас не спала!

Андрей оторвал голову от подушки:

– Да-да, спасибо, я уже встаю...

Девушка вышла из комнаты с недовольным видом. Андрей сел на кровати, потряс головой. В общем-то, он чувствовал себя довольно сносно, вот только голова болела.

Он бросил взгляд на замёрзшее окно, за которым была ночная тьма и лютый мороз.

Мороз – не мороз, а следовало поскорее убираться из этого дома. Если только хотя бы один человек видел, как Андрей бежал ночью по пустынной дороге, этот один обязательно расскажет ещё одному, а тот – другому. Информация потянется по цепочке дальше, обрастая фантастическими подробностями и обращаясь в легенду. Слухи – они как вирусы, проникают везде, и делают это с поразительной скоростью. Но Андрей обманет преследователей. Он уже наметил тайное укрывище. Его там ни за что не будут искать. А между тем это совсем недалеко от города, до этого места можно добраться на машине всего за два часа. Уж там-то он выспится! Там будут и жаркая баня с парком, и обжигающий чай с малиновым вареньем, и неторопливый разговор с хозяином – добрым стариком, которого Андрей знал уже много лет.

Мысль о бане и о крепком сладком чае заметно приободрила Андрея. Он решительно поднялся, прошёлся по ковру, сделал несколько энергичных взмахов руками, покрутил головой и отвесил несколько глубоких поклонов на обе стороны. Упал на мягкий ковёр и стал отжиматься. Первый десяток раз – на кулаках, второй – на четырех пальцах, третий – на трех, и так далее, пока не пришлось стоять всего на двух пальцах – указательных пальцах обеих рук. Тут уже требовалась специальная тренировка, та самая, что позволяет ломать ударом «нуките» пятисантиметровую доску.

Разминка была короткой, но предельно интенсивной. Как и всегда.

Через десять минут Андрей окончательно пришёл в себя.

Юрий поджидал его внизу.

– Может, останешься? – поинтересовался на всякий случай. – Тебя здесь ни одна собака не тронет.

– Не могу. Сам должен понимать. Мне рисковать нельзя. Да и тебя не хочу подводить.

– Ну... дело твоё. Пошли.

В гараж они попали через крытый переход между строениями – очень удобно и в духе старинных сибирских подворий, – не надо выходить на улицу.

В боксе стояли две машины – здоровенный джип с никелированными дугами, какие любят американцы среднего достатка, и малюсенькая машинёшка неопределённо чёрного цвета, чуть побольше «запорожца», но покороче нашей «восьмерки».

– Вот твой лимузин! – показал Юрий, остановившись возле капота. – Ты не смотри, что она такая невзрачная. Летает как бешеная! Главное, сильно не газуй, а то улетишь в кювет. У неё расход топлива до десяти литров на сотню доходит, это при литровом движке! – Он со значением посмотрел на друга. Но Андрею это было все равно.

– Где ключ? – спросил он, думая о своём.

– В бардачке должен быть. У тебя права с собой?

Андрей утвердительно кивнул. Обошёл машину и открыл правую дверь. Маловата, конечно, даже для человека средней комплекции. Но выбирать не приходилось.

– Печка у нее не греет ни черта, – сказал Юрий с таким видом, словно уличил машину в измене. – Ты заведи её пока, пусть прогреется минут десять, а то нарежешь дуба. Будешь меня материть, что подсунул тебе такое дерьмо.

Андрей нашарил ключ и вставил в замок зажигания и провернул на пол-оборота. Двигатель натужно заработал, резко набрал обороты до двух тысяч. Удушливый синий газ, с брызгами вырывающийся из выхлопной трубы, стал быстро заполнять помещение.

– Электронный впрыск, автоматическая регулировка подачи топлива, – деловито объяснял Юрий. – В целом хорошая машина, если б топлива поменьше жрала, цены б ей не было.

Через пять минут внутри салона сделалось жарко. Андрей захлопнул дверцу, поправил зеркало заднего вида, попробовал руль; Юрий тем временем пошёл открывать железные ворота.

Когда тяжёлые створки раскрылись, Андрей мягко нажал ногой на педаль тормоза и перевел рукоятку переключения скоростей в положение «D». Машина дёрнулась на месте, а потом как бы с надсадой стронулась с места и покатила вперёд. С трудом перевалила через железный порог и выехала наружу, в ледяную мглу.

На улице по-прежнему стояла ночь, небо было усеяно звёздами, особенно яркими в предутренние часы.

Андрей остановился, вышел из машины и подошёл к другу.

– Спасибо тебе! Ты меня спас, ей-богу.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Юрий. – Езжай, пока не рассвело. А если уж сильно прижмёт, возвращайся. Я тебе всегда помогу. Дружба, Андрюха, святое дело! Я помню друзей детства!

Андрей сдержанно улыбнулся.

– Я тоже буду помнить.

В иные моменты слова бывают не нужны. Оба понимали это.

Андрей залез в машину и захлопнул дверь. «Nissan-march» выкатился на оледеневшую дорогу и поехал по скрипучему снегу вдоль кирпичных коттеджей, тянувшихся с правой стороны. Слева смутно маячил обрыв, за которым открывалась бескрайняя снежная равнина. Андрей знал, что внизу, под обрывом, укрылся под толстым слоем льда и снега полноводный Иркут. Чуть дальше, в полукилometре, смутно угадывался железнодорожный мост. К нему и направлялся Андрей, задумавший нечто необычное: заехать с разгону на рельсы и переехать по шпалам на тот берег. Другого способа форсировать реку не было. Возвращаться в город и делать тридцатикилometровый крюк не хотелось, да и опасно было. Зато здесь никто его искать не будет. Сам по себе переезд не представлял проблемы, проблема заключалась в том, чтобы затащить машину на рельсы! Поезда здесь ходили редко, это был так называемый третий путь знаменитого Транссиба. Андрей сам строил этот путь четверть века назад, работая в студенческом строительном отряде, потому и знал о нём больше, чем положено знать обычному чело-

веку. Эта ветка уходила с основной линии в районе станции «Шелехово» и снова соединялась с Транссибом возле «Сортировочной» – всего-то и было километров двадцать. Смысла этой петли Андрей никогда не мог понять. Но сама ветка ему нравилась, было в ней нечто загадочное, романтическое, не укладывающееся в шаблоны развитого социализма. Бывая в этих местах, он любил смотреть на поезд, медленно выплывающий из пустых пространства. Такое чувство было, что поезд вынырнул из вневременья, и везёт он что-то такое, чему нет названия, хотя Андрей прекрасно знал, что везут эти поезда всё то, что и другие – брёвна, уголь, сырую нефть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.